

I. САМОДЕРЖАВИЕ КАК МОДЕЛЬ ВЛАСТИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Исходные понятия моделирования самодержавия

Разработку социально-исторических моделей развития России естественно начинать с *МОНАРХИИ*. Самодержавие для России — это не только идеология или проективная модель, но историческая реальность, просуществовавшая (если исчислять ее с момента официального провозглашения монархии Иваном IV в 1547 г. и до отречения от престола последнего императора Всероссийского — 370 лет.

При построении модели самодержавия необходимо учитывать как конструктивные промежуточные модели, направленные на его самоопределение, совершенствование и легитимацию, так и обобщающе-теоретические, возникающие в переломные моменты ее развития, но, как правило, постфактум, когда система находится в состоянии предфинального кризиса или уже ушла в небытие. Для нас первостепенное значение представляют конструктивные модели. При этом мы учитывали как невербализованные, но четко заявленные в политике направления, так и вербализованные идеологические программы, рассчитанные на конструктивное воздействие на уже существующую социально-политическую систему. Свое начало они берут от поучений Иосифа Волоцкого, посланий старца Филофея и доходят до публицистических статей М.Н.Каткова, писем К.П.Победоносцева, записок С.Ю.Витте и проч. Наконец, существуют и обобщенно-теоретические модели самодержавия. К числу наиболее проработанных моделей

такого рода следует отнести исследования Льва Тихомирова и Ивана Ильина. В своих построениях они широко используют труды коллег и предшественников — юристов и историков, в том числе труды А.Д.Градовского, Н.М.Коркунова, С.М.Соловьева, Б.Н.Чичерина и др. Однако при этом необходимо учитывать следующие обстоятельства. Во-первых, и Тихомиров, и Ильин были убежденными монархистами, что, несмотря на их стремление к объективности, определяло отбор материала и его концептуальное построение. Во-вторых, Тихомиров не знал и не предвидел конца самодержавия, а Ильин хотя и пережил, вопреки своим прогнозам, конец самодержавия, все еще не утратил надежд на его возможное возрождение. Отсюда теоретический оптимизм их построений. Задача, поставленная в настоящем исследовании, построение социально-философской модели российского самодержавия с опорой на его реальную историю, что позволяет выявить стадии и пределы его развития. При этом, естественно, автор опирался на обозначенные выше модели трех уровней социально-исторического развития России, а также на альтернативные модели ее вероятностного развития путем сличения и тех и других с исторической реальностью.

Для начала примем наименее идеологизированные правовые определения самодержавия классиков русской социально-правовой мысли Б.Н.Чичерина, Н.М.Коркунова, А.Д.Градовского. Для русской социально-правовой традиции характерно разграничение понятий *верховой власти* (Souverain) и *правительства*, или *управительной власти* (Gouvernement). Верховная власть — *единая, постоянная, непрерывная, державная, священная, нерушимая, безответственная, территориально везде присущая*⁵. Она есть *источник всякой государственной власти*. Правительство же в связи с необходимостью специализации предполагает разделение властей. Совокупность принадлежащих верховной власти прав есть полновластие, как внутрен-

нее, так и внешнее. Юридически она ничем не ограничена. Она не подчиняется ничьему суду, ибо если бы был высший судья, то ему бы и принадлежала верховная власть. Она — верховный судья всякого права... В наибольшей мере этим атрибутам верховной власти *соответствует именно монархия*. Отсюда вытекает и само определение монархии. Согласно Чичерину, «Чистая монархия есть образ правления, в котором верховная власть принадлежит одному монарху /.../. По самому существу этого правления монарх держит власть независимо от кого бы то ни было, не как уполномоченный, а по собственному праву. Поэтому он называется *самодержцем* /.../. Имея верховную власть, независимую от какой-либо человеческой воли, монарх тем самым считается получившим ее свыше, по божественному изволению. Это дает власти религиозное освящение, что выражается в титуле словами: «Божией милостью»⁶. Заметим здесь, что если для Чичерина божественное предопределение монархической власти есть условный прием, на котором он практически не останавливается, то для Тихомирова и Ильина оно является безусловным основанием легитимности самодержавия, связывающим монарха с единоверными подданными.

Другой юрист, Н.М.Коркунов, уточняет определение самодержавия, исходя из закона. Государственное устройство Российской империи, пишет он, определяется двумя статьями Основных законов: 1 и 47. Ст. 1 характеризует свойства власти, принадлежащей монарху. «Император Российский есть монарх *самодержавный и неограниченный*. — Повиноваться *верховой* Его власти не только за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает». Тут указаны три свойства самодержавной власти, разъясняет маститый ученый: «верховность, самодержавие, неограниченность». Обозначение власти монарха как верховной показывает, что ему принадлежит высшая *безответственная власть* в государстве. *Самодержавие и неограничен-*

ность утверждают, что вся полнота власти сосредоточена в руках монарха. К этому следовало бы прибавить и четвертый аргумент, который ученый-либерал обошел своим вниманием. Мы имеем в виду основание легитимности власти монарха, которая зиждется в *воле Бога*. Это дополнение весьма существенно для понимания базисных идеологических основ русского самодержавия. И мы увидим далее как русские самодержцы в самые трудные периоды истории государства Российского, когда уже никакие иные доводы не действовали, обращались к этому аргументу.

Но вернемся к тексту закона, обозначенного Коркуновым: «Ст. 47 указывает, что осуществление самодержавной власти русского царя совершается на началах *законности*. Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, от Самодержавной Власти исходящих». Ученый так разъясняет соответствующую статью закона: «...самодержавием существующее у нас государственное устройство отличается от *монархии ограниченной, законностью* — от *деспотии*, где место закона заступает ничем не сдерживаемый личный произвол правителя»⁷ (выделено мною. — Л.Н.). Однако по поводу данного определения можно возразить. Во-первых, самодержавие российского государственного устройства сложилось далеко не сразу, оно берет свое начало отчасти от Ивана III и набирает силу при Иване IV. Но именно при нем оно приобретает явные черты деспотизма, который в большей или меньшей степени сопутствует ему на всем его протяжении. А во-вторых, после отмены крепостного права, с образованием земств и борьбой за конституционализм, принцип *неограниченной самодержавности* был поставлен под сомнение. И именно упорное непонимание этого критического момента привело Российскую империю к неминуемой гибели.

Поставив перед собой задачу сконструировать социально-философскую модель *РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ*, обозначим параметры, по которым она будет строиться. Самодержавие есть политическая система, поэтому, естественно, нами должен быть выделен *политический параметр* и отслежено его историческое конструирование, или *делание*. При этом мы должны исходить из того, что «существует процесс *самовоспроизводства* власти, имеющий свою логику, свои замыслы» (выделено мною. — Л.Н.)⁸.

В отличие от республиканских форм правления, в известной мере обособленных от гражданского общества, самодержавие тесно увязано с социально-экономическим строем, что определяет сложность выделения собственно *социального параметра*. И хотя самодержавие исторически возникло при рабовладельческом строе, наиболее адекватным ему является *сословный строй*. По определению А.Д. Градовского, «под именем *сословий* разумеются отдельные группы подданных, между которыми сам закон установил наследственные преимущественные различия в правах и обязанностях. Следовательно, сословия по самой своей природе являются учреждением *государственным*»⁹. Этим они отличаются от каст и от классов. Таким образом, считает ученый, сословия, во-первых, непосредственно связаны с государством, обслуживают его. А во-вторых, сословия дифференцированы по своим функциям, которые наследственно закреплены за ними и иерархизированы по отношению друг к другу и государству. Эту иерархическую пирамиду венчает самодержец. На поверхности эта система вуалируется патримониальными отношениями. Отсюда наиболее распространенными в просторечье наименованиями царя являются «*Отец*», «*Батюшка*» и т.п.

Монархический строй имеет геополитическое и геоэтническое основание. Так, по мнению Тихомирова и Ильина, опирающихся на теорию Руссо, республиканская форма правления легко утверждается в малых госу-

дарствах с высокой плотностью и однородным этническим или культурным составом населения. В отличие от этого для государств, раскинувшихся на обширных неравномерно заселенных территориях, где наряду с господствующим этносом, а зачастую и вперемешку с ним, сосуществуют народы, принадлежащие к иным этническим корням и к иным религиозно-культурным типам, что, в частности, характерно для России, наиболее адекватной является монархическая власть. Мысль о влиянии окружающей среды на социально-политический строй общества не лишена основания, хотя в трудах названных авторов она и трактуется весьма тенденциозно. Она нашла отражение и развитие в енвиронталистском направлении социальной философии. В русской исторической и социально-философской мысли его развивали историки С.М.Соловьев, П.Н.Милюков, позже — евразийцы, в частности Г.В.Вернадский. Милюков в «Очерках по истории русской культуры» в специальной главе отмечает, что месторазвитие русской культуры объединяет по крайней мере три-четыре самостоятельные и законченные культуры разного характера, не говоря о культурах незавершенных. «Эти культуры предполагают столько же различных месторазвитий. *Соединить их в одно целое можно было лишь в порядке государственного слияния*» (выделено мною. — Л.Н.)¹⁰. Отсюда этатизм, свойственный русской общественной мысли. Он становится одним из сильнейших аргументов идеологов и активных деятелей имперского самодержавия, сторонников «Великой России». Евразийцы усугубили эти идеи. В отличие от Милюкова, идущего от прошлого к настоящему, евразийцы современное состояние России — Евразии рассматривают как интенцию и цель ее исторического развития. «История распространения русского государства есть в значительной степени история приспособления русского народа к своему месторазвитию — Евразии, а также и приспособления всего простран-

ства Евразии к хозяйственно-историческим нуждам русского народа»¹¹. При этом необходимо учитывать, что взаимодействие социума с географической средой может иметь как позитивный, так и негативный характер. Об этом писал уже Б.Н. Чичерин. Отмечая роль широких географических пространств в образовании больших государств, он предупреждал: «Большие государства образуются и долго держатся силой сосредоточенной власти, которая одна в состоянии охранять их от распада. Народ может гордиться своим единством, силой и могуществом, но он должен знать, что все это дается ему в ущерб свободе»¹².

Не ограниченное законом самодержавие должно иметь сильное *идеологическое обоснование* и его *ритуально-символическое* выражение, что предполагает необходимость выделения их как самостоятельных параметров построения социально-философской модели самодержавия. Между мессианской идеей Московского царства («Москва — третий Рим») и идеей самодержавия князей и царей московских прослеживается вполне определенный параллелизм. Как подчеркивают многие исследователи, их начало совпадает и по времени, и по причине. Они переносятся на Русь одновременно и из одного источника — Византии, где сложилась целостная доктрина божественного происхождения царской власти. Так еще в IV веке один из самых почитаемых отцов церкви — Григорий Назианзин (Богослов) убеждал верующих, и императоров и их подданных, что «Господь сам управлял небесными делами, поделил управление земными делами с монархами, а потому они призваны быть богами своих подданных»¹³. Русские книжники, безусловно, знали эти тексты. Православная церковь в лице своих иерархов и византизм как тип государственности внесли солидный вклад в разработку и утверждение идеологии самодержавия. Именно через них восторжествовала монархическая идея, как сугубо православная, сплотившая патриотов всей Русской земли. Позже К.Н.Леонтьев, ярый

поборник византизма, так характеризовал эту *одну из главных составляющих русского самодержавия*. Общая идея византизма, писал он, *слагается из нескольких частных идей — религиозных, государственных, нравственных, философских, художественных*. «Византизм в государстве значит самодержавие. В религии он значит христианство с особыми чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире мы знаем /.../, что византизм (как и вообще христианство) отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов; что он есть сильнейшая антитеза идеи всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства»¹⁴.

При решении поставленной задачи мы придерживались логики исторического развития российского самодержавия, что позволяет выявить *его истоки, точки роста и наивысшего подъема, симптомы кризисов и основания перелома, приведшего к его неизбежному концу*, а также определить *роль промежуточных конструктивных моделей как реабилитации самодержавия, так и его радикальной реконструкции и замены альтернативными моделями государственного устройства*.

Глава 1. Московское царство и формирование образа «самодержца Всея Руси»

1.1. Исторические предпосылки и идеологическое конструирование модели самодержавия

Утверждение самодержавия в России обусловлено глубокими историческими предпосылками, которые влекли страну по этому пути, и одновременно активностью политической воли *его делания* и идеологического обоснования.

Самодержавие Московских великих князей, превратившихся в самодержцев Всея Руси, а затем Российской империи, началось на развалинах Киевской Руси. Блестящая история Киевской Руси, прославленная именами св. Владимира, Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха, закончилась в XII веке вследствие ряда внутренних и внешних причин. Киевская Русь фактически распалась на три самостоятельных региона: юго-западный, объединяющим началом которого все еще служило родовое право княжеской династии Рюриковичей; северо-западная Русь с Великим Новгородом во главе, куда переместился центр международной торговли, и, наконец, северо-восточная Русь с затерявшимся среди лесов и болот Ростово-Суздальским княжеством, на окраине которого едва появилось село боярина Кучки — Москва. И к «хитростям истории», выражаясь языком Гегеля, следует отнести, что дальнейшее развитие славянской государственности, превращение ее в великую державу, возглавляемую монархом, началось в этом, казалось бы, забытом Богом и людьми медвежьем углу. И хотя первый самостоятельный правитель Ростово-Суздальского княжества Юрий Долгорукий еще принимает участие в борьбе за великокняжеский стол в Киеве, его политические и, главное, экономические пристрастия оказались привязанны-

ми к Ростово-Суздальской земле. Здесь он проявил себя как хороший хозяин и устроитель своих земель. Он строит города, монастыри и привлекает на пустующие земли переселенцев. В результате уже к концу XII века Ростово-Суздальская земля оказалась самым плотно населенным районом России и ее князья самыми могущественными из всех русских князей того времени. Этому способствовал переход к новым формам земледелия, в частности пойменному сельскому хозяйству. Развитие на его основе огородничества и животноводства, вовлекало горожан в сельское хозяйство, требовало большей межсезонной занятости населения и обеспечивало более разнообразный и калорийный его прокорм. Именно в этом регионе получило развитие трехполье¹⁵.

Здесь на новых землях берет начало и *новый тип* социальных отношений. Так в Киевской Руси князья приходили на территории уже занятые и хозяйственно освоенные местным населением и вместе с властью получали право лишь на «кормление» за свою службу, в случае же ее неисправности могли быть изгнаны местным населением. В Ростово-Суздальском княжестве население и служилые люди селились на землях князя, который был единоличным собственником этих земель. Постепенно право собственности и распоряжения распространялось и на субъектов хозяйственной деятельности, которые, хотя и в различном статусе, становились зависимыми людьми, слугами князя-вотчинника, сохраняя при этом, однако, право «отхода» от него. *Князь выступал здесь как хозяин и распорядитель хозяйственной деятельностью и как глава политических сношений, и как верховный судья.* К.Д.Кавелин отмечает основополагающее значение этого события: «Исторический тип, который лег в основание этого нового государственного тела, есть тип des Guts — und Hausherrn» (нем. — хозяин имения, дома) /.../. Он развивался неуклонно и совершенно выработался в мельчайших подробностях в XVII веке»¹⁶. Мнение на этот

счет русских ученых — историков и юристов, более или менее однозначно. «В лице князя, — пишет историк С.Ф.Платонов, — произошло соединение двух категорий прав на землю: прав политического владельца и прав частного собственника /.../ Князь не только носитель верховной власти в стране, он ее наследственный владелец, «вотчинник». Аналогичное по существу определение социально-экономическому базису зарождающейся российской монархии дает и современный английский исследователь Р.Пайпс, обозначая его как вотчинный, или *patrimonium*-альный строй¹⁷.

Исторические предпосылки нарождающегося монархического строя Л.А.Тихомиров, с опорой на С.М.Соловьева, ведет от деятельности Андрея Боголюбского, которому приписывает вполне осознанную установку на *единодержавие*, этим же объясняет он и трагический конец князя. В то время как в Киеве продолжалась усобица, Андрей укреплялся в своем Суздале. Будучи избран на киевский стол, он начал сознательную ломку родового права: взял Киев «на щит». Оставаясь номинально великим князем киевским, Андрей передал его в удел своему младшему брату, а сам вернулся на север, во Владимир. «Этот поступок Андрея, — утверждает С.М.Соловьев, — был событием величайшей важности, событием *поворотным*, от которого история принимала новый ход, с которого начинался на Руси новый порядок вещей»¹⁸. В результате Киев из стольного превратился в удельный город. Стольным городом в обход старших городов и выражающего их интересы боярства становится самовольно провозглашенный Андреем Боголюбским столицей Ростово-Суздальского княжества Владимир. С Андрея, по мнению Соловьева, «впервые высказывается возможность перехода родовых отношений к государственным»¹⁹.

Но общество еще не созрело до этой идеи и упорно сопротивлялось ее реализации. Андрей, опережая свое время, лишь опробовал некоторые *технологии самодер-*

жавной власти, которые затем будут развиты его преемниками. Но между ним и самодержавной властью русских царей лежит длительный и мучительно трудный период татаро-монгольского ига и под его покровом кровавой борьбы удельных княжеств за титул и статус великого князя Русской земли. В этой полной драматизма борьбе победила Москва. Именно здесь осуществляется переход от вотчинных отношений к *самодержавию*.

В научной и околonaучной литературе до сих пор дискутируется вопрос о роли «татаро-монгольского ига» на формирование типа российской государственности и, в частности, монархической идеи. Как отмечает В.О.Ключевский, татарское нашествие надолго, на весь XIII век повергло народное хозяйство Северной Руси в страшный хаос. Но с XIV века расстроенные отношения начали налаживаться. Московские князья, Иван Калита одним из первых, поняли, что с татарами выгоднее орудовать «смирной мудростью», нежели оружием, и весьма преуспели в этом, сделав хана орудием своих великокняжеских замыслов²⁰. Как отмечает летопись, с тех пор, как московский князь получил от хана ярлык на великокняжеский стол, Северная Русь начала отдыхать от постоянных татарских набегов. «В эти спокойные годы, — пишет Ключевский, — успели народиться и вырасти целых два поколения, к нервам которых впечатления детства не привили безотчетного ужаса отцов и дедов перед татаринном: они и вышли на Куликово поле»²¹.

И хотя нельзя отрицать татаро-монгольского влияния на формирование отдельных сторон образования русской государственности и культуры, но в целом оно имело *двойственный* характер. С одной стороны, оно способствовало формированию единого месторазвития русских княжеств и тем самым объединению Руси, с другой — вассальная зависимость от сильного, деспотически непредсказуемого завоевателя формировала во властных структурах русских княжеств и в сознании народа хитрость,

коварство, страх. Что касается заимствования у татар самодержавной идеи, то в данном вопросе нельзя не согласиться с Тихомировым, отмечавшим, что это не реально, хотя бы потому, что сами татары не имели подобной власти у себя. Ханская власть носила родовой характер и была чревата теми же пороками, что и власть княжеского рода Рюриковичей на Русь. Одним из аргументов против преувеличения конструктивного влияния Золотой Орды на формирование самодержавия в России может служить сам факт, что она *просмотрела возвышение Москвы* как политического центра объединения Руси и как силы, способной положить конец татаро-монгольской зависимости. Альтернативой этому было превращение Руси в один из окраинных улусов монгольской империи, т.е. ее *политическое небытие*.

На почве борьбы с татарами усилилось влияние православной церкви, а также византийской идеи самодержавности, согласно которой князь, позднее царь является помазанником Божиим и заступником русской земли. Не будем забывать, что влияние византийской идеи — религиозной и государственной — было сильно и в Киевский период развития русской истории, но там сама христианизация носила преимущественно миссионерский со стороны Византии характер. В Московский период отношения Руси с Византией в корне изменились. Поставляемые Константинополем на Русь митрополиты, силой исторических обстоятельств и целенаправленной деятельности московских князей, перенесли свою кафедру сначала из Киева во Владимир, а затем в Москву²². При их поддержке, в частности святителей Петра и Алексия, Москва становится стольным городом, политическим и религиозным центром всей Русской земли.

Динамизм этому процессу придал Иван III целенаправленной политикой объединения русских земель, их включения в состав Великого княжества Московского. Но свою первейшую политическую задачу Иван видел в

полном разрешении вассальных отношений с Золотой Ордой. «Стояние на Угре», когда обе армии, не вступая в бой, разошлись, продемонстрировало равенство воинских сил и явное моральное превосходство русского национального духа. Начиная с этой поры Московское княжество превращается в Русское государство — Всея Русь. Своей женитьбой на принцессе Софье Палеолог, племяннице последнего византийского императора, Иван становится как бы легитимным восприемником всех регалий императоров византийских. Но, приняв герб Византийской империи, Иван III воздерживается от принятия титула, желая сохранить свою независимость.

Большую роль в идеологическом конструировании образа самодержца сыграло православие. Его основоположником можно считать настоятеля Волоколамского монастыря Иосифа Волоцкого, ставшего идейным лидером официальной линии в православии. Нуждаясь в поддержке великого князя в борьбе с ересью жидовствующих (вид протестантизма), он разработал и проповедовал доктрину божественной сущности великокняжеской власти. В своем основном сочинении, «Просветитель», Иосиф обращается к царям: «Слышите цари и князи и разумеите, яко от Бога дана бысть держава вам, яко слуги Божии есте...». Паству же он учит, что царя надо почитать и слушаться, ибо «Царь убо естеством подобен есть всем человекам, властью же подобен вышнему Богу»²³. В этой интерпретации, как подчеркивает академик М. Дьяконов, царь несет ответственность за формы утверждения порядка в стране и отношение к вере *только перед Богом*²⁴.

Другим важнейшим источником религиозной легитимации самодержавия стал цикл текстов, завершившихся известной идеологемой «Москва — третий Рим», которую обычно связывают с именем старца Филофея. Она явилась весьма своевременным ответом на резко изменившуюся политическую ситуацию — падение Византии,

приведшее к определенной «бездомности» православия. В своих посланиях великому князю Московскому Филофей выразил ее в соответствии с господствовавшим в то время миропониманием и духовными запросами общества. Он писал царю: «Храни и внимай благочестивый царь тому, что все христианские царства сошлись в одно твое, что *два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать*» (выделено мною. — Л.Н.)²⁵. Эта формулировка и стала классическим выражением идеологии «Москва — третий Рим». Ее своевременность и уместность привели к тому, что она была принята на вооружение и способствовала *идеологическому* укреплению великокняжеской власти, ее перерастанию в царскую власть, идеологически подготавливала этот процесс. Она «так верно воспроизводила общий смысл эпохи, так точно угадывала настроение современников Филофея, что скоро была усвоена даже правительственными сферами и вошла в государственные акты», — отмечает исследователь проблемы И.Кириллов²⁶.

Короче, религиозная легитимация самодержавия великокняжеской, позже царской власти стала своеобразным «категорическим императивом». Подтверждением тому может служить открытая полемика Ивана Грозного с князем Андреем Курбским. Грозный обвиняет своего вчерашнего сподвижника с его друзьями в измене, в посягательствах на авторитет царской власти, в частности на попытки ограничить самодержавие «советом ближних бояр», которых, по словам Курбского, «самому царю достойно любить и слушаться как своих руководителей». Напротив того, Грозный убежден, что всякая власть от Бога, даже если она приобретена насилием (значит, того восхотел Бог), и следовательно, всякой власти покоряться должно. Свою власть Грозный считает *вдвойне законной* — по *Божьему изволению* и *праву рождения*. С гордостью он воспроизводит свою генеалогию, берущую начало от святого Владимира и Александра Невского, как основание

легитимности своей власти». На защищаемую Курбским идею ограничения царской власти советом ближних бояр Грозный отвечает ссылкой на историческую традицию: «Русские же самодержцы изначала сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи!»²⁷. К этой мысли он возвращается неоднократно и настаивает на таком понимании самодержавия, когда царь *сам строит свое* государство, имея не номинальную, а реальную власть. Подданные же должны безоговорочно повиноваться своему повелителю. При этом он отменяет обвинения в жестокости, которые ему предъявляли Курбский и другие современники, а позднее и потомки, так как жестокость, как деяние несправедливое, имеет смысл там, где обозначены пределы власти, самодержавие же, в понимании Грозного, в принципе отрицает их. Поэтому судить поступки самодержца дано *ему самому да Богу*, перед которым он даст ответ на последнем суде. Таким образом, религиозная легитимация является одним из важнейших аргументов самодержавия, без нее оно просто немыслимо. Огромную роль она сыграла в ранний период формирования государственности, когда церковь служила едва ли не единственной идеологической силой, обладая к тому же хорошо разработанными технологиями. Но и сами великие князья и цари Московские потрудились на этом поприще не мало.

1.2. Смута и формирование идеи Государства

Важнейшим механизмом легитимации самодержавной власти является *наследственный принцип ее передачи*. Утверждение его прошло путь долгий и трудный. Он пришел, как мы отмечали, на смену родовому «лествичному» праву. Затем в северо-восточной Руси он уступил место удельному обычаю, когда умирающий князь делил свое княжество-вотчину между всеми сыновьями, выде-

ляя им города-уделы, которые в свою очередь дробились при следующем завещании. К тому же система наследования осложнялась и тем, что столы и удельные княжества зачастую не наследовались, а *добывались*. Правда, уже московские князья стремились преодолеть этот обычай, завещая по духовной старшему из сыновей большую и лучшую долю и оговаривая удельное владение младших послушанием «во всем» старшему брату. В результате такой сознательно «конструктивной» политики духовные грамоты (завещания) утратили свое значение уже при Иване III. Обычай закрепил самодержавное начало с первородством. Но только Павел I придал этому обычаю законодательный характер.

Смерть Грозного царя и замена его слабоумным наследником при сильном, но безродном управителе Борисе Годунове несомненно подрывала, пользуясь языком Ильина, монархическое правосознание подданных. Со смертью же царя Федора прерывалась и династическая линия рюриковичей. «Хорошо организованные» выборы²⁸ на Земском соборе царя Бориса и утверждение в качестве наследника его сына — царевича Федора, казалось бы, сняли напряженность ситуации. Однако стоило появиться лишь тени «законного» царевича Димитрия, как недовольство обойденных Годуновым родовитых бояр и подогретого, «раскрученного» ими народа, у которого всегда есть основания для недовольства, вылилось в Смуту.

Понятие Смуты, пожалуй, явление чисто русское. Это и не революция, и не борьба партий, и даже не мятеж. Это — *СМУТА*, когда все всем недовольны и нет положительной идеи, которая устроила бы всех или большинство вовлеченных в Смуту действующих лиц. Это — состояние всеобщего хаоса, которому не видно положительного конца. Смутное время сделало, казалось, все возможное для подрыва самодержавия, которое не сумело ни предотвратить, ни усмирить ее, а потом было омрачено позорною узурпацией бродяги-самозванца и на-

шествием поляков. С расшатанностью царской власти вновь подняла голову родовая аристократия, положив брать с царей «записи», ограничивающие их власть в свою пользу. Народ же «безмолвствовал», пока Смута не переклестнула через край.

Найти управу на нее в порядке сословной иерархии брались, по словам С.Ф.Платонова, разные сословия московского общества, а «победа досталась слабейшему из них». Боярство, сильное правительственным опытом и кичащееся своим богатством, пало от неосторожного союза с иноверным врагом. Служилый землевладельческий класс, сильный воинской организацией, потерпел неожиданное поражение от домашнего врага — казачества, в союзе с которым мыслил свергнуть иноземное иго. И лишь посадские люди Нижнего Новгорода, Ярославля и других городов, сильные только горьким политическим опытом круговой «измены» и «воровства», собрав ополчение во главе с Дмитрием Пожарским и гениальным человеком из посада — Кузьмою Мининым, дали отпор врагам внешним и внутренним. Широкая и ясная программа ополчения позволила ему освободить Москву, сохранив за собой значение общеземского правительства до выборов «всей землей» нового царя. «С появлением этой власти Смута нашла свой конец, и новому московскому царю оставалась лишь борьба с ее последствиями и с последними вспышками острого общественного брожения»²⁹.

Казалось бы, Смута могла иметь только негативные последствия. Тем более знаменательно, что русская историческая мысль сумела увидеть в ней многозначительное явление. Так, завершая свое большое исследование, Платонов пишет: «Смута смела все /.../ аристократические пережитки и выдвинула вперед простого дворянина и «лучшего» посадского человека. Они стали действительной силою в обществе на место разбитого боярства». Их усилиями была создана новая форма власти — Земс-

кий собор. «Царь и Земский собор составляли единое и вполне согласное правительство, главною заботой которого было поддержать и укрепить восстановленный государственный порядок»³⁰.

С.М.Соловьев отмечает, что Смута, охватившая все слои общества, с одной стороны, разрушала старые устои, обладавшие в результате своей «вращенности» во все ткани социального организма огромной консервативной силой. С другой стороны, это был период бурного исторического творчества, когда формировались новые социальные отношения и появлялись новые люди, способные придать им соответствующую политическую форму и права гражданства. Сплочение сил народных спасло государство от гибели. Большинство людей, истомленных Смутой, хотело, чтобы *все было по-старому*, замечает историк. Однако старина была восстановлена лишь по видимости. «Новое с новыми людьми просочилось всюду, а старое со старыми людьми, носителями старых преданий, спешило дать место новому»³¹.

Идея *рождения порядка из хаоса* была подхвачена и развита В.О.Ключевским. В русской Смуте историк увидел зарождение новых конструктивных идей, которые и стали движущей силой последующего исторического процесса. «Прежде всего, из потрясения, пережитого в Смутное время, люди Московского государства вынесли обильный запас новых политических понятий, с которыми не были знакомы их отцы, люди XVI века». К их числу относится понятие *государства*, его достоинство. «Прежде государство мыслилось в народном сознании только при наличности государя, воплощалось в его лице и поглощалось им. В Смуту, когда временами не было государя, или не знали, кто он, неразделимые прежде понятия стали разделяться сами собою. *Московское государство* — эти слова в актах Смутного времени являются для всех понятным выражением, чем-то не мыслимым только, но и действительно существующим даже без

государя»³². На этой почве *утратила значение идея вотчинного права и рождалась политическая идея государства*.

Многие историки отмечают великий парадокс итогов смутного времени для русского государства. Оно вышло из Смуты с великими территориальными потерями: открытый с таким трудом выход к балтийскому морю был снова заблокирован; Польша не рассталась со своими претензиями на Московский престол; на дорогах бесчинствовали шайки грабителей, которые легко сливались с восставшим из-за бескормицы людом; казна была пуста; крестьяне, кто мог, обратились в бега; многие пашни оставались не обработанными; система «управительной» власти, центральной и на местах, погрязла в «воровстве» или распалась. И тем не менее держава мужала и набирала международный авторитет.

В огромной мере этому способствовали *Земские соборы*. По понятиям того времени Земские соборы отражали мнение всей Русской земли. Впервые Земский собор был созван в 1550 г. еще Иваном Грозным, решившим на двадцатом году своей жизни окончательно избавиться от боярской опеки. Собор проходил на Красной площади, так что *всякий* мог признавать себя его участником. Царь каялся перед народом в своих грехах и тут же угрожал боярам, «неправедный суд творящим». Обращаясь к народу, царь обещал взять правление в свои руки и править по справедливости, призывая в свидетели и споспешники Господа Бога.

Созванный на следующий год Стоглавый собор носил уже более деловой и конструктивный характер. На нем было запрещено местничество, когда должности в войсках и в правительстве занимали не по заслугам, а «по породе», решено начать всеобщую перепись земли, пересмотреть соотношение между пожалованными поместьями и служебными повинностями с них и проч. Здесь же были канонизированы почитаемые местные святые

как общенациональные, что способствовало идейной централизации русской земли, уточнены в соответствии с традицией некоторые исповедальные формы церковной службы, рознившиеся в различных местностях, в частности двоеперстие, «сугубое» (двойное) аллилуйя, крестное хождение «посолонь» (по солнцу) и др. Решения собора по различным государственным и церковным вопросам были записаны в ста главах — отсюда и его название «Стоглавый». Но главное в другом. *Было положено начало демократической по своей сути традиции если не общенародного, то всесословного обсуждения государственных дел.*

Эта традиция была востребована в период Смуты и в первые годы царствования Романовых, когда авторитет царской власти либо вовсе отсутствовал, либо был весьма незначительным. Но если в период Смуты земские соборы носили характер «по случаю», то в период царствования первых Романовых они приняли почти регулярный и весьма деловой характер. Так в период царствования Михаила Романова было созвано семь соборов, на которых обсуждался и был принят целый ряд весьма «непопулярных» урядов о дополнительном обложении налогами ввиду крайнего истощения хозяйства и государственной казны, о переписи земель с целью упорядочения обложения населения налогами. На соборах обсуждались вопросы войны и мира, выборы патриарха и проч. Решения, принятые соборами, вряд ли были под силу отдельному государю той поры. Таким образом, сознание общей пользы и взаимной зависимости приводило власть и ее земский совет к полнейшей солидарности, обращало государство и собор в одну политическую силу.

Соборы продолжались и при Алексее Михайловиче, но по мере укрепления самодержавной власти последнего пошли на убыль. Собором было подтверждено вступление на престол самого царя, хотя он имел уже законное наследственное право. Собором 1648 г. было принято

новое *Уложение свода законов*, в котором наряду с кодификацией старых были прописаны новые законы, укрепляющие prerogatives царской власти и одновременно ограничивающие произвол окружающей царя правящей клики, в том числе и духовной. «Уложение», принятое собором 1648 г., просуществовало как действующее законодательство до 1833 года, когда его сменил Свод законов Российской империи, подготовленный М.М.Сперанским. Земскому собору 1653 г., постановившему принять Малороссию по ее просьбе в состав «Всея Руси», суждено было стать последним. Укрепившаяся царская власть не нуждалась более в достаточно громоздком и отнюдь «не ручном» политическом институте. Земские соборы сделали свое дело и усилившаяся самодержавная власть не замедлила избавиться от их влияния.

1.3. Церковный раскол и неизбежность перемен

Глубокий удар по идеологическому звену русского самодержавия — православию (нанес церковный раскол XVII века. Внешним поводом раскола послужило исправление церковных книг на основе сличения их с греческими первоисточниками. Процедура, начатая до Никона и шедшая ни шатко, ни валко, пока последний не придал ей принципиально-догматическое и политическое значение. До того подобная процедура была спокойно проведена в Киеве Петром Могилой, который, кстати, предлагал московским властям свои услуги.

Возглавив реформу, Никон не ограничился исправлением ошибок, допущенных переписчиками церковных книг на основе сличения их с древними образцами. Практически, как замечает один из ведущих специалистов в этой области, Н.Ф.Каптерев, исправление церковных книг происходило преимущественно по *современным* греческим книгам, что сразу и почувствовали сторонники старой

веры. Но Никон не останавливается и на этом. Он переносит на Русь греческий церковный обряд, греческие церковные напевы, принимает греческих живописцев, начинает строить монастыри по греческому образцу. Всюду он выдвигает на первый план греческий авторитет, отдавая ему значительное преимущество перед вековой русскою стариною, перед русскими, всеми признаваемыми авторитетами. На соборе 1656 г. Никон демонстративно заявляет: «Я русский, сын русского, но мои убеждения и моя вера — греческие». «Это публичное торжественное отречение верховного архипастыря русской церкви от русских верований и убеждений в пользу иностранных — греческих, это торжественное признание себя Никоном по духу истым греком, необходимо должно было произвести крайне неприятное и тяжелое впечатление на всех тех русских, которые не думали и не желали отказываться от своего, русского в пользу греческого, в чем, конечно, и нужды никакой не было и для Никона», заключает Каптерев³³.

Таким образом, раскол отнюдь не ограничивался решением частных проблем — придерживаться двуперстия или троеперстия, произносить Исус или Иисус, ходить крестному ходу «посолонь» или против солнца, — которые к тому же ранее уже были одобрены в их «старообрядческом» варианте Стоглавым собором, а об одном, но весьма существенном вопросе: «Чем определяется религиозная истина: решениями ли власти церковной или верностью народа древлему благочестию?». Старообрядцы, искренне веровавшие, что божественная благодать перешла на Москву, которая стала третьим Римом, считали недопустимым обращение к погрязшим в грехе греческим новинам. На стороне старообрядцев сосредоточилась основная масса глубоко верующего люда. На стороне реформы Никона стояли, с одной стороны, люди более образованные или вообще равнодушные, более приверженные к доводам власти, чем веры. «Болезнен-

ный и обильный последствиями разрыв между интеллигенцией и народом, — замечает по этому поводу П.Н.Миллюков, — за который славянофилы упрекали Петра, совершился полувеком раньше. Этот разрыв произошел в сфере гораздо более деликатной, нежели та, которую непосредственно задевала петровская реформа. Религиозный протест, конечно, удесятерил свои силы, соединившись с протестом политическим и социальным, но это нисколько не изменяет того основного факта, что первой и главной причиной разрыва были вопросы совести. Русскому человеку в середине XVII в. пришлось проклинать то, во что столетием раньше его учили свято верить. Для только что пробужденной совести переход был слишком резок»³⁴.

И все же своя правда, помимо чисто формального исправления накопившихся ошибок и необходимости приведения церковной службы к единообразию, была и у сторонников реформы, в том числе у Никона и у поддержавшего его царя. Если старообрядцы стремились обособиться в своем «древнем благочестии», то сторонники реформы видели ее смысл в превращении «московского» православия во вселенскую религию, дающую основание для диалога с иными вероисповеданиями. Тем самым реформа открывала путь вхождения Московской Руси в христианское религиозное сообщество. Вместе с тем в своем противостоянии обе стороны ошибались и обе понесли существенные потери. Русская православная церковь, всегда бывшая оплотом самодержавия, «раскололась»: старообрядцы, или раскольники, которые считали только себя истинными верующими, дошли до полной бесцерковности с признанием только «невидимой церкви»; с другой стороны, от официальной церкви, которую воспринял патриарх Никон, чтобы навести в ней порядок, отпала, по выражению историка Н.И.Костомарова, половина Великой Руси, наиболее крепкая в вере, за церковь пошли немногие переросшие старую веру или вовсе равнодушные к религии.

В более позднюю эпоху это создавало благоприятную почву для вольнодумства и поисков «новой религиозности» в форме масонства.

Но наряду с церковной реформой Никон подспудно преследовал и другую цель: возвышения церковной власти, ее полной самостоятельности по отношению к царской. Это давний спор церкви с властью. Но только такой сильный церковный лидер, каким был Никон, мог отважиться на организацию ее достижения, пользуясь «собинной» дружбой с царем. Пользуясь недостаточно окрепшим авторитетом царской власти, а также поддержкой высших церковных иерархов, Никон попытался сначала явочным порядком, а потом и через собор утвердить превосходство духовной власти по отношению к царской. Так в предисловии к новому служебнику утверждалось, что Бог даровал России «два великие дара» — царя и патриарха, которыми все строится, как в церкви, так и в государстве. Ввиду этого все православные русские должны «восхвалити и прославити Бога, яко избра в начальство и в снабдение людем своим сию *премудрую двоицу*: великого государя царя Алексея Михайловича и великого государя святейшего Никона патриарха». В этом предисловии бросается в глаза уравнивание титулов обоих представителей власти — светской и духовной, как равных во всем «*великих государей*». В полемике со своими оппонентами Никон доходит до утверждения превосходства священнической власти перед царской, ибо престол первой есть «на небеси», вторая же властвует на земле и приемлет власть свою «от помазания от священнических рук»³⁵.

Такого не мог стерпеть ни один самодержец, даже «тишайший» царь Алексей. И в этом его безоговорочно поддержали высшие представители формирующейся светской власти, а также земское духовенство, сильно пострадавшее от реформы Никона. Почувствовав неудачу своего замысла, Никон летом 1658 г. демонстративно сложил с себя патриарший сан, и церковь до 1666 г. ос-

тавалась без патриарха. Его функции поневоле выполнял богомольный царь, *что приучало видеть в нем не только самодержавного государя, но и главу православной церкви.* Церковный собор в присутствии вселенских патриархов после долгих и трудных дебатов осудил Никона, который кончил свою жизнь в заключении в Кирилло-Белозерском монастыре.

Церковный спор, неразрешимый на узконациональной почве, произошел перед появлением Петра Великого и тем самым, по приговору Вл. Соловьева, подготавливал почву и заранее оправдывал его преобразования, в том числе церковные. Действительно, «Упразднение патриаршества и установление синода было делом не только необходимым в данную минуту, но и положительно полезным для будущего России, — пишет мыслитель. — Оно было необходимо, потому что наш иерархический абсолютизм (имеется в виду абсолютизм церковной иерархии. — Л.Н.) обнаружил вполне ясно свою несостоятельность и в борьбе с раскольниками, и в жалком противодействии преобразовательному движению: патриаршество, после раскола лишенное внутренних основ крепости и оставшееся при одних чрезмерных притязаниях, неизбежно должно было уступить место *другому* учреждению, более сообразному с истинным положением дела...»³⁶. Действительно, бездействующее несколько лет патриаршество Петр заменил в 1700 г. правительствующим Синодом, т.е. светским учреждением, призванным регулировать внешние конфессиональные дела, просуществовавшем вплоть до 1917 года. В результате церковной реформы Петра российское государство становится *светским государством*. Православие выпадает из его основополагающих основ, оно выполняет сугубо функциональную роль, строго прописанную ему духовным Регламентом. В связи с этим необходима была новая конструктивная идея самодержавия и государства.

Глава 2. Конструирование модели Российской империи

2.1. Модернизация государства Петром Великим

Мы не зря употребили современный термин «*модернизация*», подчеркивая тем самым, что эволюционного пути усовершенствования тех или иных институтов у Петра просто не было. Другой путь означал путь царевича Алексея, но и он уже был закрыт церковным расколом. Необходима была решительная коренная перестройка социально-экономических политико-управленческих, культурных и религиозных отношений и институтов, то есть модернизация их в соответствии с уровнем интеллектуального развития века. И Петр в целом выполнил эту задачу. Как отмечает современный исследователь Н.И.Павленко, Петр резко интенсифицировал происходящие в стране процессы, заставил ее совершить гигантский прыжок из прошлого в будущее, пользуясь не всегда дозволенными методами. Но даже сугубо деспотические методы, к каким прибегал Петр в целях просвещения своих подданных, оказывались исторически оправданными интересами России, служили фактором прогресса³⁷.

При всем разнообразии дел и свершений Петра их связывает единая, целеустремленная идея, которой он не изменял никогда — это идея *великого Государства*, чуть позже — *Российской империи*. Петр всецело уверовал в спасительную силу абсолютистского государства и, по образному выражению Б.И.Сыromятникова, «всею мощью своей железной руки налег на рычаги заведенной им государственной машины, установленной в стране великих возможностей»³⁸. Реализации этой идеи он подчинил все силы нации, требуя неукоснительного служения ей всех, от рядового дворянина, купца, церковного служки до

самого царя («На троне вечный был работник»). Основанием этой пирамиды оставался труд крепостного крестьянина, который одновременно был основной тягловой единицей и поставщиком «солдатчины». Таким образом, модернизация Петра превратила самодержавное государство в чудовищного Левиафана, требующего постоянного служения ему и жертвоприношений. Так, расшатав православие как краеугольный камень своей легитимности, самодержавие обрело новое, более мощное ее основание в идее *государственности*. В итоге мы с полным основанием можем характеризовать тип самодержавия, сложившийся в результате модернизации Петра, как *сословно-этатистское самодержавие*. В общем-то, эта идеология вполне соответствовала духу XVII века, духу Лейбница, Пуфендорфа, Гуго Гроция, идеи которых хорошо были известны «Ученой дружине» Петра. Феофан Прокопович широко использовал их в обосновании самодержавной власти Петра в своем главном труде «Правда воли монаршей», этой, по определению Ключевского, краткой энциклопедии государственного права петровской эпохи. Торопиться с реализацией этой идеи Петра побуждали как внутренние причины — продолжающаяся смута после церковного раскола, культурная отсталость общества, так и внешние — рыхлая, великая, но необустроенная Россия представлялась весьма соблазнительной приманкой для шведской и польской корон³⁹.

«Серьезные реформаторы, — пишет в своем исследовании А.И.Уткин, — глядя прямо в лицо реальности, если им не изменяло мужество, должны были признать, что наиболее нужным элементом перемен является культурная реориентация, то есть воспитание своего народа самодостаточными гражданами, а не согласными на любую долю спартанцами»⁴⁰. Это понял Петр. Но парадоксальным образом он соединил просвещение верхнего слоя общества — дворянства (со «спартанской дисциплиной» всего народа.

Модернизация государства была начата Петром с просвещения. Он не побоялся поставить своих приближенных и себя самого в роль любознательных учеников. «Великому посольству», снаряженному в Европу, последняя открылась, по выражению Ключевского, «в виде шумной и дымной мастерской с машинами, кораблями, верфями, фабриками, заводами», /.../ «обилием книг, газет»⁴¹. Сравнение, по возвращению домой, было неутешительным. То, что раньше не бросалось в глаза, открылось воочию: регулярной армии по существу не было, вместо нее было несколько плохо экипированных и плохо обученных солдатских полков, стрельцы, да дворянская конница как бы из прошлого века. Школ мало и те церковно-приходские. Университета нет. Ученых нет. Врачей нет. Аптека одна (царская) на всю страну. Газет нет. Купцы и ремесленники задавлены произволом воевод. Культурный уровень даже высшего сословия общества ограничивается «Домостроем». И Петр понял, что в случае сохранения такого уровня развития России грозит участь превратиться в «сферу чужих интересов» или быть разорванной на куски Польшей, Швецией, Турцией...

Вернувшись из-за границы, Петр сразу же приступил к реформам. Может показаться капризом деспота-самодура, что начал он с указа о бритье бороды и ношения европейского платья. Но в этой экстравагантной мере тоже был свой смысл: она означала радикальную смену стиля поведения и мышления. И Боярская дума, и ближайшее окружение царя, и приказные люди вынуждены были действовать соответственно своему новому облику. Поражение, нанесенное ему в 1699 г. шведским королем Карлом XII, заставило Петра обратиться к радикальной модернизации армии. Позже на Азовском и Балтийском морях был заложен военный флот. В разгар Северной войны, при первой победе над шведами, Петр велит закладывать в устье Невы новый город-крепость Петербург, желая тем самым утвердиться на море и войти

в Европу. Как позднее напишет А.С.Пушкин, «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и громе пушек».

Но в оправдание великого реформатора повторим аргументы К.Д.Кавелина, что размах и революционная глубина осуществленных Петром реформ сделали развитие страны по «общечеловеческому пути» *необратимым*. Не случайно и Вл.Соловьев, сравнивая значение деятельности Петра Великого с христианизацией Руси св. Владимиром, характеризовал обоих как исторических деятелей, которые, на много опережая потребности общественного развития страны, *делали историю*⁴².

Естественно, что Петр *делал историю* и в тех условиях *мог ее делать* только как *самодержец*. В воинском артикуле, включенном в свод законов Государства Российского, записано: «Его Величество есть самовластный Монарх, который никому на свете о своих делах ответа дать не должен; но силу и власть имеет свои от Государства и земли, яко христианский Государь по своей воле и благомнению управлять»⁴³. Примечательно, что в Артикуле религиозное обоснование самодержавства заменено властью, которую самодержец имеет *от Государства и земли*. Однако модернизация самодержавия на основе тотальной зависимости всех сословий от государства действительно была доведена Петром *до предела*. Дальше по этому пути самодержавие не могло развиваться.

Петр Великий умер в 1725 г. в муках и славе. В числе самых жгучих мук были, пожалуй, разногласия с сыном, закончившиеся трагедией. Отталкиваясь от этого случая, Петр практически разрушил сложившуюся систему наследственной преемственности власти. Он объявил, что монарх в праве сам выбирать себе преемника, который бы продолжал его дело. Однако юридически завершить свои идеи не успел. Это привело к тому, что после его смерти Россия столкнулась с длительным кризисом самодержавия, заполненным заговорами, предательством,

убийствами. И только Павел, сам пострадавший на этом, издал закон, предусматривающий все условия престолонаследия по нисходящей мужской линии.

Слава же Петра вызывала и продолжает вызывать разночтения: кто же он был — самодержец-тиран или великий реформатор, выведший страну «из небытия в бытие»? Ответу на этот вопрос посвящено исследование — опыт аналитической антологии — А.А.Кара-Мурзы и Л.В.Полякова. Споры вокруг этого вопроса, возникшие сразу же после смерти Петра, продолжаются и по сей день. «Действительно, Петр Великий — вечная загадка и вечный магнит для отечественной мысли. Разброс мнений по поводу личности Петра великого — огромен, феноменален; полярные оценки деяний Петра встречаешь в истории русской мысли на каждом шагу: «спас Россию — предал Россию», «Христос — Антихрист»; «Бог ведет — бес ломает», «великий — бездарный», «мудрый государь — самовластный помещик», «храбрец — трус...». Но не довольно ли с нас крайностей? — ставят риторический вопрос разработчики проблемы. — Давно пора Руси остепениться, найти тот средний путь, которым идут цивилизованные народы». И заключают, сохраняя, впрочем, проблематичный тон: «Так, может, Великий Петр и есть наш водитель на этом пути, воплощение искомого синтеза, «единства противоположностей?». Ведь нашел же это *единство* противоположностей в образе Петра Пушкин: «...Лик его ужасен. Движения быстры. Он прекрасен»⁴⁴.

И все же проблематичность вопроса остается. Особо остро ее почувствовал В.О.Ключевский. «Реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, с его косностью. Он надеялся грозой власти вызвать самодеятельность в поработанном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в Россию европейскую науку, народное просвещение как необходимое условие общественной самодеятельности, хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие

деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка, разрешавшаяся у нас со времени Петра два века и доселе неразрешенная»⁴⁵. Но, несмотря на это, идея *государственности* была воспринята наиболее дальновидными потомками Петра. Она послужила скрепой при монархической чехарде XVIII века. Эта идея выполняет свою конструктивную роль и в настоящее время.

2.2. Дворцовые перевороты и образование дворянской монархии

Петр не успел завершить своих начинаний, у него не осталось достойных наследников. Период, следовавший после его смерти, называют веком императриц, более склонных к увеселениям, чем к многотрудной государственной деятельности. Но корабль российской государственности, спущенный им со стапелей, оказался настолько прочным, что продолжал плыть намеченным Шкипером курсом, несмотря на неопытность или небрежение рулевых, ибо обратный путь был только в *небытие*.

Как уже отмечалось, Петр не оставил закона о престолонаследии. Это породило цепь государственных переворотов, сопряженных с насилием, что подрывало ресурса и престиж самодержавия. Уже царствование Екатерины I со всей остротой поставило *династический вопрос*, в борьбу за решение которого включились все аристократические круги, лично заинтересованные в разделе сфер влияния. После смерти Екатерины I и ранней смерти ее преемника династическая проблема усугубилась и приняла неожиданный оборот. Члены учрежденного еще при Екатерине Верховного тайного совета, или «верховники», которых представляли самые именитые представители русской аристократии, решили, что пришло их время *ограничить самодержавие*, что в случае ус-

пеха означало бы введение «конституционно — аристократической монархии». Инициатором этой идеи был европейски образованный кн. Д.М.Голицын. Наиболее подходящей кандидатурой для реализации задуманной цели «верховникам» представлялась Анна Иоанновна — дочь брата Петра Ивана, рано овдовевшая и прозябавшая в забвении. Участникам заговора представлялось, что она-то уж подпишет любые условия лишь бы вернуться к блеску петербургской жизни. Анна действительно подписала составленные «верховниками» «кондиции», оставляющие ей властные полномочия лишь при дворе и передающие всю полноту государственной власти в руки Верховного тайного совета. Однако тайные «кондиции» «верховников» раньше времени стали известны «шляхетству», то есть служилому дворянству, выпестованному Петром. Оно-то и решило исход событий, предпочитая иметь дело с одним неограниченным монархом, от которого можно ждать милостей, нежели с аристократическим Верховным советом, весьма презрительно относившимся к шляхетству. Под давлением угодного императрице «общественного мнения» шляхетства Анна спокойно порвала подписанные ею «кондиции». «Так кончилась десятидневная конституционно-аристократическая русская монархия XVIII в., сооруженная 4-недельным временным правлением Верховного тайного совета», заключает В.О.Ключевский⁴⁶. Взойдя на трон, Анна Иоанновна вынуждена была пойти на известные уступки шляхетству: она выполнила основное требование дворянства, сократив срок обязательной службы до 25 лет. Ею был открыт шляхетский кадетский корпус, поступление в который обеспечивало недорослям привилегированного сословия весьма приемлемую карьеру. Но главное (Анна прибегла к широкой раздаче крестьян в крепость помещикам. Со времени царствования Анны Иоанновны русские самодержцы поняли, что *опорой самодержавия является дворянское сословие*. Поэтому «с 25 февраля 1730 г. (день восшествия

Анны на престол при поддержке дворянства), — как пишет Ключевский, — каждое царствование было сделкою с дворянством, и если сделка казалась нарушенной, нарушившая сторона подвергалась преследованию противной и ссылкой или заговором и покушениями»⁴⁷.

Однако очень скоро монархам Всея Руси придется осознать еще одну истину: просвещение рождает не терпящий самовластья дух свободы, который не могут удовлетворить никакие сословные привилегии.

Очередной государственный переворот 25 ноября 1741 г. завершился возведением на трон дочери Петра — Елизаветы. Кстати, она была четвертой, возведенной на престол с помощью гвардейских штыков. Переворот был встречен бурными патриотическими манифестациями, сопровождавшимися погромами «немецких» дворов, спровоцированными длительным засильем иностранцев в предшествующее царствование, получившим нарицательное наименование «бироновщина». Именно в это время получило широкое хождение новое понятие — «*россияне*», запущенное в обиход Феофаном Прокоповичем.

Свое восшествие на престол Елизавета отметила отменой смертной казни. В основном же, с интересующей нас точки зрения, 20-летнее царствование Елизаветы Петровны можно охарактеризовать как полное единодушие императрицы и ее подданных в лице привилегированного сословия — дворянства. Не случайно Ключевский характеризует период правления Елизаветы как «начало *дворяновластия*»⁴⁸. Так же как и царствование Анны Иоанновны, правление Елизаветы характеризует фаворитизм, изменился только круг лиц, в чем-то солидарных, но конкурирующих друг с другом за полноту влияния на податливую императрицу. При этом «немецкую партию» заменила «французская партия». Дух французского Просвещения с его внешним изяществом и блеском находит поддержку при дворе и проникает в «русское общество». И.И.Шувалов переписывался с Вольтером.

А.П.Сумароков пишет трагедии в духе Расина и Корнеля. Растрелли-сын украшает Петербург постройками в духе французского барокко. В духе времени происходит смягчение нравов и просвещение. В 1755 г. в Москве был открыт задуманный еще Петром университет; положено основание Академии Художеств; основан постоянный публичный театр в Петербурге, открыта первая гимназия для детей дворян и разночинцев в Казани.

Елизавета, впрочем, так же как и Анна, продолжает внешнюю политику Петра Великого, направленную на расширение границ *Российской империи*. По свидетельству известного историка конца XIX века А.А.Кизеветтера, накануне воцарения Петра территория России составляла 256126 кв. миль, после смерти Петра — 275571 кв. мили. При Анне она расширилась до 290802 кв. миль, при Елизавете пространство Российской империи достигало 294497 кв. миль⁴⁹.

В последние годы жизни перед Елизаветой, как и перед Анной, встал вопрос о наследнике престола. Выбор оказался не очень удачным. В качестве наследника был признан и призван внук Петра и племянник Елизаветы, родившийся и воспитанный в Голштинии, ценивший свое звание герцога Голштинского выше короны Российской империи. Имея в виду продолжение династии, Елизавета озаботилась женить его на немецкой принцессе Софии Фредерике Августе, принявшей в православии имя Екатерины Алексеевны. Что касается Петра III, то его раболепное преклонение перед Фридрихом II и всем немецким стилем жизни, после не забытой еще бироновщины, вызывало возмущение русских дворян-патриотов. Екатерина — чистокровная немка — казалась более русской, чем родной внук Петра. Однако с правлением этого, по выражению Ключевского, «случайного гостя на русском престоле» связано одно событие, решительно изменившее направление развития русского самодержавия. Мы имеем в виду его «Манифест

о вольности дворянской» 18 февраля 1762 г. Манифест совершенно *освобождал дворян от государственной службы*, что шло вразрез с сословной политикой Петра I. Служба государю и Отечеству становилась частным делом дворянина, делом его чести или карьеры.

Социальные последствия этого Манифеста трудно переоценить. Во-первых, в России появилось *первое вольное сословие*, которое было вправе распоряжаться своей судьбой. По-видимому, монарх хотел «облагодетельствовать» дворянство и тем самым привязать его к себе. Но освобожденное от крепости дворянство считало иначе. Часть его требовательно ждала новых подачек. Вместе с тем среди дворянства выделилась наиболее просвещенная прослойка — зародыш будущей интеллигенции. Воодушевленная западными идеями просвещения, она выступила в открытой оппозиции к самодержавной власти. Роль и значение этой прослойки, пополнявшей ряды русской интеллигенции — будет расти. Во-вторых, место служилого дворянства в коридорах власти заняла *бюрократия*. В результате открывался путь *бюрократизации самого самодержавия*. В-третьих, и это, пожалуй, самое важное: освобождение дворян от обязательной службы государю или государству лишало крепостное право по отношению к крестьянам *морального оправдания*. Логику этого исторического процесса задним числом четко обозначил Б.Н.Чичерин: московские цари, строя самодержавное государство, во имя его централизации лишили свободы все сословия. Все должны были нести государственное тягло. Прежде всего «были укреплены» бояре и служилые люди, затем — посадские, наконец — крестьяне. Таким образом, согласно Чичерину, «закрепощение одних влекло за собой закрепощение других». Но когда государство окрепло и отпала надобность пользоваться принудительным трудом, начался обратный процесс: сначала были освобождены дворяне, затем городские сословия и, наконец, крестьяне⁵⁰. Так поняли манифест

и крестьяне, ожидая вольности для себя. Вся дальнейшая история развития русского самодержавия будет вращаться вокруг этой проблемы, ища выходы в наскоро сколоченных конструкциях, в вынужденном обращении к реформам, ибо, оставляя нерешенным этот вопрос, самодержавие обрекало себя на гибель.

2.3. Модель просвещенной монархии

Екатерина была шестой императрицей, пришедшей к власти на штыках гвардейцев. О ее легитимности нельзя всерьез говорить не только потому, что она участвовала в заговоре против законного самодержца — своего мужа, но и потому, что уже был законный наследник (ее собственный сын Павел. В лучшем случае она могла претендовать на регентство при малолетнем сыне. Коронация Екатерины с обязательным обрядом помазания была прямым кощунством, на которое спокойно пошла церковь. И тем не менее приходится констатировать, что Екатерина II оказалась самой *русской* и, пожалуй, самой самодержавной после Петра I императрицей. Она проводила последовательно русскую политику, направленную на укрепление мощи и международного престижа Российской империи. Окруженная фаворитами, основные решения по внутренней и внешней политике она всегда принимала сама, выслушав советы своих любимцев, она побуждала их к действиям в заданном ею направлении.

Одна из первых проблем, вставших перед ней, было отношение к Манифесту о вольности дворянской Петра III. Манифест был с удовлетворением воспринят дворянством; Екатерина не могла выглядеть хуже в его глазах. Вместе с тем освобождение дворян от обязательной воинской или гражданской службы лишало законного и нравственного основания закрепощение крестьян за помещиками. Своей Жалованной грамотой дворянству

(1785) Екатерина II попыталась снять это противоречие, придав ему правовое основание. Хорошо усвоив уроки Монтескье, который придавал особое значение аристократии как *опоре монархического строя*, Екатерина, пользуясь своим неограниченным правом, «даровала» дворянскому сословию ряд дополнительных привилегий. Во-первых, поместья приравнивались к вотчинам и в равной мере становились *собственностью помещика* (отсюда это новое название — помещик). Во-вторых, дворянство приобретало корпоративно потомственный статус. Лишить дворянина его звания, состояния и привилегий возможно было только по суду, решение которого должно быть подтверждено государем. Все это порождало новое самосознание дворянства как привилегированного сословия, в котором цари теперь видели «*опору трона*».

В контексте нашего исследования царствование Екатерины особый интерес представляет еще и потому, что она сама попыталась сформулировать принципы *просвещенного самодержавия* в своем «Наказе», написанном для собранной ею Уложенной комиссии. Екатерина открыто признавалась в том, что свой «Наказ» писала под сильным влиянием идей Монтескье. Однако из этого совсем не следует, что он представляет собой простое переложение идей французского мыслителя. Выписывая отдельные положения из Монтескье и др. европейских просветителей, Екатерина подвергала их тексты своеобразной обработке, итогом которой стало обоснование политической доктрины о возможности соединения самодержавия с законностью, свободой и правопорядком. По сути дела «Наказ»⁵¹ представляет собой изложение широкой программы «просвещенного самодержавия», приспособленной к российским условиям самодержавия. Законодательная инициатива императрицы охватывала все сферы общественной жизни, начиная с общих соображений о государственном устройстве и кончая проблемами воспитания.

Прежде всего, Екатерина исходит из утверждения, что «Россия есть Европейская держава» (6). В подтверждение тому она ссылается на авторитет Петра Великого, который, вводя европейские нравы и обычаи в российскую среду, нашел такие преимущества, каких и сам не ожидал. Это, по мысли императрицы, свидетельствует о том, что народ русский, восприимчивый к европейской культуре, к ней и принадлежит. Усвоив от Петра I имперскую идею, Екатерина II развивает ее в «Наказе» и всемерно реализует в своей внешней политике. Прекрасно понимая, какую опасность для престола представляет бездействующая армия, она стремилась задействовать ее в любой военной операции, развязанной в Европе, и всегда на благо России.

Исходя из геополитического положения России, Екатерина приходит к утверждению, что единственной государственной формой пригодной для России является *просвещенное самодержавие*. «Российского государства владения простираются на 32 степени широты и на 165 степеней долготы по земному шару». Такому государству соответствует самодержавный государь, «ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть не может действовать сходно с пространством толь великого государства». «Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и в конец разорительно» (8, 9, 11). В духе идей просвещенного абсолютизма императрица заверяет подданных, что такая власть отнюдь не имеет в виду лишить их вольностей, напротив, она направлена к улучшению благосостояния народа, ибо опирается на закон.

Основным, полагает автор «Наказа», является приоритет закона перед властью, в том числе властью монарха, хотя последнему в самодержавном государстве принадлежит исключительное право законотворчества. Но коль скоро закон принят, нарушать его не позволительно никому. В духе либерально-просветительских идей Екатерина в различных вариантах повторяет мысль, что

законы издаются во имя блага государства и каждой личности и ни в коей мере не должны стеснять ее свободы, если только последняя не идет в ущерб государству в целом. «Ничего не должно запрещать законами, кроме того, что может быть вредно или каждому особенно, или всему обществу» (41). Для незыблемого сохранения законов надобно, чтобы они были настолько совершенны, чтобы порождали у каждого гражданина уверенность, что они направлены на его благо.

В духе просвещенного этатизма решает Екатерина и вопрос о вольности граждан: «В государстве, то есть в собрании людей обществом живущих, где есть закон, вольность не может состоять ни в чем ином, как в возможности делать то, что каждому надлежит хотеть и чтоб не быть принуждену делать то, чего хотеть не должно» (37). Государство является гарантом вольности гражданина, его уверенности в своей безопасности. Этим определяется приоритет государства по отношению к вольности отдельного гражданина. Но для того, чтобы граждане были законопослушны, надлежит при формулировании законов учитывать уровень «народного умствования». Поэтому, с одной стороны, следует издавать законы в удобопонимаемой форме, а с другой — необходимо «приуготовить» умы людские к введению и пониманию наилучших законов (58). Так либеральные установки здесь, как, впрочем, и других местах «Наказа», сочетаются с общими идеями просвещения.

Касаясь экономической сферы, Екатерина положила в ее основу главный принцип либерализма: «не запрещать и не принуждать». Единственное, что может позволить себе правитель в этой сфере, — это «премия и разъяснение». Главной сферой экономического благосостояния страны Екатерина не без основания считает земледелие. «Земледелие есть первый и главный труд, к которому поощрять людей должно» (313). В развитии этой темы императрица вступает в явное противоречие с российс-

кой реальностью: «Не может земледельство процветать тут, где никто не имеет ничего собственного. Сие основано на правиле весьма простом: «Всякий человек имеет более попечения о своем собственном, нежели о том, что другому принадлежит; и никакого не прилагает старания о том, в чем опасаться может, что другой у него отымет» (295, 296). Этот общий принцип откровенно повисает в воздухе, ибо состояние крепостного труда крестьянина, не имеющего собственности и работающего на чужой земле из-под палки, противоречит «Наказу». На словах в «Наказе» Екатерина выступала как сторонница постепенного освобождения крестьян. На деле же при ней увеличились раздачи вольных и крестьян помещикам. Усилился и общий гнет.

К концу XVIII века, не без усилий Екатерины II, Россия по своему могуществу догнала Европу и начала диктовать ей свои правила игры. Это положение было поколеблено Пугачевским бунтом и Французской революцией, определившими поворот властей к реакции. Однако либеральные идеи, запущенные императрицей в общественный обиход, не прошли бесследно. Начало развитию либерально-демократических идей положил Н.И.Новиков, осмелившийся в своих журналах полемизировать с императрицей, в том числе и по крестьянскому вопросу, за что без суда и следствия был заключен в Шлиссельбургскую крепость. Но это не остановило развитие общественной мысли, породившей целую серию записок, проектов, сочинений либеральной и демократической ориентации, заполнивших интеллектуальное пространство от царствования Екатерины до восстания декабристов включительно⁵².

2.4. Эпилог просвещенного самодержавия

С именем Александра I связан блеск и нищета просвещенного самодержавия. Сын императора-деспота и любимый внук просвещенной бабки-императрицы; ученик радикального республиканца Лагарпа, основатель

кружка молодых реформаторов, передавший бразды правления страной верному сатрапу Аракчееву и тем *предавший* идеалы просвещенной монархии; вольнодумец и мистик — *он вобрал в себя все противоречия уходящего века Просвещения.*

Александр пришел к власти в результате молчаливого согласия на переворот, закончившийся смертью отца. Его никогда не покидало чувство вины за это вольное или невольное(?) участие в убийстве, смешанное со страхом перед «удавкой», которой орудовали «верноподданные». (Всему Петербургу были известны слова м-м де Сталь, что «Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкой».) Вместе с тем по своему воспитанию и тем ожиданиям, которые связывала с ним просвещенная дворянская молодежь, после 5-летнего непредсказуемого деспотизма Павла, Александр принял имидж просвещенного монарха, не чуждого либеральным идеям. Однако за этим образом скрывался неустойчивый характер, любящая позировать личность. Отсюда зыбкость, двойственность Александра, готового играть красивую роль и страшиться ее. Не случайно Пушкин называл его «властителем слабым и лукавым», а Герцен — «коронованным Гамлетом». Действительно, Александр никогда не был самим собой, а всегда тем, кем хотели его видеть. Ходило множество слухов, что он тяготится своим положением императора всероссийского и надеется скоро, совсем скоро покинуть престол и уйти в частную жизнь или монастырь. Но уж слишком многим он поведал эту интимную мечту, чтобы поверить ей. На его время выпало великое событие — Отечественная война, в которой русский народ во главе с М.И. Кутузовым одержал великую победу над Наполеоном, а лавры победы осенили и *его чело* («случайною пригретый славой»). Зато он взял реванш как инициатор и идеолог Священного союза, направленного против революционных движений в Европе. Но если начало его царствования омрачала тень

убитого отца, то его конец был омрачен тайным заговором его вчерашних соратников по Отечественной войне, разочарованных в его политике.

С первых же шагов царствования нового императора вокруг него сплотился кружок «молодых друзей» из высших аристократических кругов, образовавших «Негласный комитет», на котором с участием царя обсуждались самые смелые проекты социальных и политических реформ. Один из постоянных членов этого комитета Адам Чарторыйский так описывает «заседания» этого Комитета: «Каждый нес туда свои мысли, свои работы, свои сообщения о текущем ходе правительственных дел и о замеченных злоупотреблениях власти. Император вполне откровенно раскрывал перед нами свои мысли и свои истинные чувства. И хотя эти собрания долгое время представляли собой простое препровождение времени в беседах, не имеющих практических результатов, все же, надо сказать правду, что не было ни одного внутреннего улучшения, ни одной полезной реформы, намеченной или проведенной в России в царствование Александра, которые не зародились бы на этих именно тайных совещаниях»⁵³. Князь явно преувеличивает, беседы, которые велись в «Комитете» ради «препровождения времени», отражали общий дух эпохи Просвещения и велись едва ли не во всех «тайных обществах», которыми тогда был переполнен Петербург. Так или иначе идея конституционализма, *законодательного ограничения самодержавной власти* и на этой основе политического устройства государства занимала определенное место в общественном мнении просвещенных кругов общества. Естественно, что эти сюжеты обсуждались и на заседаниях Негласного комитета.

Впрочем, даже самые скромные начинания Негласного комитета, направленные на усовершенствование системы — замена устаревших коллегий министерствами, утверждение за Сенатом функции высшей судебной

инстанции и, главное, закон о «вольных хлебопашцах», разрешавший крепостным по договоренности с помещиками выкупаться на волю — вызвал страх и сопротивление основной массы помещичьего сословия. Выразителями недовольства рядового дворянства стали поэт Г.Р.Державин, а позже историк Н.М.Карамзин. Державин обвинял молодых друзей царя в том, что они взялись за перестройку, не зная по-настоящему состояния государства, и в том, что от них веет «конституционный французский и польский дух». Под давлением консервативных кругов и, главное, ввиду практической безысходности деятельность Негласного комитета скоро угасла сама собой.

Казалось бы, более перспективные реформаторские начинания связывали Александра с М.М.Сперанским. Сын сельского священника, Сперанский, в силу своих исключительных способностей не остался незамеченным «молодыми друзьями царя». В 1802 г. через В.П.Кочубея он подает императору записку «Размышления о государственном устройстве империи». По-видимому, впечатление, произведенное этой запиской на царя, и личное знакомство привели к тому, что Сперанский принимал участие в работе «Негласного комитета», а с 1807 г. он — статс-секретарь Александра.

Уже в первой своей записке он критически оценивает политическое уложение России, как не соответствующее законам разума, высказывая в связи с этим довольно смелую для своего времени мысль: «Сему иначе и быть невозможно. Во всяком государстве, коего политическое положение определяется единым характером государя, закон никогда не будет иметь силы, народ будет все то, чем власть предержащая быть ему повелит»⁵⁴. Только монархия, опирающаяся на закон, равно на всех распространяющийся, может гарантировать истинную свободу своим гражданам. Монархия, основанная лишь на своей волеи государя, может дать свободу лишь немногим в ущерб народу. На этом основании он проводит различие

между *самодержавием*, сосредоточивающим всю власть в лице самодержца, не способного, однако, физически осуществить ее и потому окруженного «ласкателями», и опирающейся на закон *«правильной монархией»*.

Среди существовавших в то время политических систем Сперанский выделяет три идеальных типа: республика, к которой тяготеют европейские страны, самодержавие, утвердившееся в России, и *конституционная, или «правильная монархия»*. Республиканская форма правления, как утверждает Сперанский, отнюдь не гарантирует гражданских свобод, ибо к власти приходят не лучшие люди; самодержавие, концентрирующее всю власть в одних руках и не способное ее разумно осуществить, имеет тенденцию переродиться в деспотизм; и только конституционная, или «правильная монархия», основанная на разделении властей и их ответственности не только перед волей монарха, но и перед законом, является оптимальной политической формой, способной обеспечить политические и гражданские права гражданам. Записка «О государственном устройстве империи» имела характер предварительных рассуждений и потому не требовала каких-то решений, что вполне устраивало Александра.

Вторая волна либеральных настроений в царствование Александра I была вызвана глубоким разочарованием всех слоев общества условиями Тильзитского мира (1807), не только унижительного, но и крайне разорительного для страны. И император снова прибегнул к испытанным средствам воздействия на общественное мнение — к играм в либеральные реформы. Как отмечают историки, сам он уже мало верил в них, но тем более охотно раздавал поручения на создание проекта реформ разным людям, от Строганова до Аракчеева. Подобное поручение получил и Сперанский. В 1809 г. им было представлено императору «Введение к Уложению государственных законов», представлявшее собою по существу *проект конституционной монархии в России*.

В этом проекте государственного уложения Сперанским была предпринята первая в истории русской общественной мысли попытка развести понятия *государства* и *гражданского общества, политического и гражданского права*. В общественной жизни духовные и физические (экономические) силы человека могут действовать либо сосредоточенно как единое целое, либо порознь, когда каждый отстаивает свои интересы. В первом случае складывается сильное централизованное государство, подчиняющее себе частные интересы, во втором — превалируют частные интересы, на основе согласования которых складывается гражданское общество. Необходимо ограничение одного другим в целях недопущения их подавления друг другом. «Если бы права державной власти были неограниченны, если бы силы государственные соединены были в державной власти в такой степени, что никаких прав не оставляли бы они подданным, тогда государство было бы в рабстве и правление было бы деспотическое»⁵⁵.

В главе «О разуме государственного уложения» Сперанский подробно обсуждает вопрос о «благовременности» введения «правильного», т.е. конституционного государственного устройства. Отмечая, что в Европе конституции, как правило, вводились под нажимом революционных смут и переворотов и потому носили противоречивый характер, он был уверен, что в России же сами власти могут ввести конституцию, тщательно спланировав ее. Попытки введения конституции в России предпринимались и раньше. Однако и усилия оказались тщетны, потому что они были преждевременны, так как общество было не готово к ним. Наконец, время настало. Его симптомы Сперанский видел в падении общественного уважения к властям, в росте всеобщего недовольствия, которое находит отражение в нелюбезной публичной, несмотря на цензуру, критике правительства. В этих условиях невозможны частные исправления системы. Выход может

быть лишь *во введении конституции сверху, волей монарха*. И молодой реформатор начертал развернутый и стройный план такой конституции.

Задача, согласно Сперанскому, состоит в том, «чтобы правление, доселе самодержавное, поставить и учредить на неперменном законе». Поскольку первым и основополагающим политическим принципом либерализма является разделение властей, постольку в его реализации он видел основной смысл своего «Уложения». При этом, учитывая общий настрой императора, Российская империя представлена им как «государство нераздельное, монархическое, управляемое державной властью по законам государственным». Державная власть соединяет в себе законодательную, судебную и исполнительную и приводит их в действие посредством специально для этого установленных институтов, отношения между которыми определены законом. Так законодательная власть в стране закрепляется за Государственной думой, высшую судебную власть осуществляет Сенат, исполнительную власть отправляет Комитет министров. Их объединяет состоящий из высших государственных сановников, назначаемых самим монархом, Государственный совет, который является совещательным органом при императоре, духовно от его лица и по его поручению координирующим всю деятельность властей.

Как известно, план Сперанского конституционного обустройства России остался нереализованным. Только незначительная его часть была использована в усовершенствовании существующей управительной власти. В частности был открыт Государственный совет, на котором под председательством императора проходили предварительную апробацию те или иные проекты законов, были приняты общие принципы работы министерств. И это все. Но независимо от уклончивой позиции, занятой императором по отношению к проекту Сперанского, проект и не мог быть реализован, оставаясь *утопической конструкцией*, во-

первых, потому, что он, по выражению Ключевского, как бы начертан на «чистом листе бумаги». А во-вторых, и это главное, он вступал в противоречие с интересами почти всех слоев общества и в первую очередь с интересами самой монархической власти. Действительно, вскоре заигрывания царя с конституцией прекратились и Сперанский был отстранен от дел и сослан. По возвращении из ссылки он уже и сам ввел свои проекты в верноподданническое русло.

Главным оппонентом Сперанского стал первый историограф государства Российского Н.М.Карамзин, написавший в 1811 г. по просьбе сестры императора адресованную ему записку «О древней и новой России», направленную против проектов Сперанского и других либеральных веляний, поддерживаемых самим императором. Карамзин — убежденный сторонник просвещенной монархии, основанной на всей полноте самодержавной власти монарха. Маститый историк исходит из того, что самодержавие есть священный *палладиум* России. Сохранение его в неприкосновенности необходимо для счастья и самого ее существования. Опираясь на исторический опыт России, он утверждает: «Самодержавие основало и воскресило Россию: с переменой Государственного Устава ее она гибла и должна погибнуть, составленная из частей столь многих и разных, из коих всякая имеет свои особенные гражданские пользы. Что, кроме единовластия неограниченного, может в сей машине производить единство действия?» — вопрошает он. И далее, доводя свою мысль до парадокса, предлагает, так сказать, мысленный эксперимент. Если бы Александр, вдохновленный великодушной ненавистью к злоупотреблениям самодержавия, попытался бы ограничить его, то истинный гражданин российский должен был бы дерзнуть остановить его и сказать: «Государь! Ты преступаешь границы своей власти: наученная долговременными бедствиями Россия пред святым алтарем вручила самодержавие твоему предку и

требовала, да управляет ею верховно, нераздельно. Сей завет есть основание твоей власти, иной не имеешь; можешь все, но не можешь законно ограничить ее!»⁵⁶.

С этих позиций Карамзин решительно восстает против либеральных начинаний молодых реформаторов, в том числе против реформаторских затей самого императора. Но особенно опасными представлялись ему намерения Сперанского. И хотя его фамилия не упоминается в «Записке», не трудно догадаться, кого Карамзин имеет в виду под *«реформаторами-писарями»*, посягнувшими изменить Россию. Обращаясь непосредственно к только что разосланному «Введению» к «Уложению государственных законов» Сперанского, историк иронизирует: мы ждали два года, вышел целый том предварительной работы. И что же находим? «Множество ученых слов и фраз, почерпнутых в книгах, ни одной мысли, почерпнутой в созерцании особенного гражданского характера России...»⁵⁷. И хотя Александр холодно воспринял «Записку» Карамзина, его собственная позиция в конце царствования приобретает все более охранительный характер.

Итак, XVIII — начало XIX века в русской истории был эпохой наибольшего сближения с западным миром. «Окно в Европу» явилось обобщенным символом русского Просвещения. Царствование Александра I стало его эпилогом, последним всплеском которого явилось восстание декабристов, раздавленное самодержавной властью Николая. И все же при всей своей вторичности по отношению к западным первоисточникам и политическом утопизме русское Просвещение сыграло существенную роль в пробуждении общественного сознания и развитии русской свободной мысли.

Глава 3. Абсолютная монархия. Ее альтернативные варианты

3.1. Конструирование абсолютного самодержавия

Апогей самодержавия, так охарактеризовал царствование Николая I либеральный историк А.Е.Пресняков⁵⁸. Заметим, однако, что Николай вошел в историю под разными именами: К.Н.Леонтьев видел в нем «рыцаря монархической идеи», К.Н.Кавелин — «исчадь мундирного просвещения», в народе его прозвали «Николаем Палкиным». А если говорить о той модели, которую он придал самодержавию за время своего царствования, то наиболее точно ее сумел выразить случайный гость Петербурга маркиз де-Кюстин — *«военно-бюрократическая машина»*.

Николай, казалось, был предопределен на роль самодержца Всея Руси, хотя, как известно, династические обстоятельства не благоприятствовали этому. По своему воспитанию и семейным установкам Николай — третий сын в семье — не был подготовлен к выпавшей ему роли. *Он сам собственными силами сделал себя самодержцем*, заставив с этим считаться подданных. Однако, вступая на престол, Николай не вполне ясно представлял себе, какой бы он хотел видеть Российскую империю. Деспотизм отца и либерализм брата странным образом сходились своим трагическим концом. В истории его вдохновлял лишь образ Петра Великого. Но Петр опирался на созданное им дворянство, Николай же не мог довериться дворянскому сословию, которое в лице своих сыновей осмелилось поднять руку на царя помазанника Божьего. И он решил, что только *полное самовластие* поможет ему справиться с той глыбой дел, доставшихся ему в наследство. И это ему в каком-то смысле удалось. Беспристрастный свидетель царствования Николая маркиз де Кюстин с изумлением восклицает: «Да, Петр Великий

не умер. Его моральная сила живет и продолжает властвовать. Николай — единственный властелин, которого имела Россия после смерти основателя ее столицы»⁵⁹. Следует заметить, что к созданию образа самодержца, достойного великого предка, сам Николай относился весьма ревностно.

Современники отмечают огромную работоспособность нового императора, при суровом отношении к обязанностям, своим и подчиненных, нетребовательности в повседневном быте, которая сочеталась с царственным блеском на торжественных мероприятиях и светских раутах. Николай знал, что ему предстоит преодолеть отчужденность подданных, но он был убежден, что сильная и целеустремленная власть способна на это. В русле этой установки он приблизил многих именитых сановников Александра — М.М.Сперанского, П.Д.Киселева, М.А. Корфа, С.С.Уварова, Е.Ф.Канкрин, генералов И.И.Дибича, И.Ф.Паскевича и побудил их работать... на Отечество. К этому же типу действий следует отнести и приближение ко двору А.С.Пушкина. Николай предпочел видеть в поэте хоть и ненадежного, но союзника, нежели открытого врага. И, как известно, поэт ответил на эту «царскую милость» «Стансами», в которых угадал сокровенный идеал царя, сравнивая его с Петром Великим.

Николай, в отличие от своего брата Александра, «изнемогавшего под бременем власти», всегда чувствовал свое призвание к выпавшей на его долю миссии. Любимым его детищем была и оставалась армия. Ей он посвящал свои помыслы и большую часть своего рабочего времени. В армии он видел хорошо отлаженный механизм, который не должны испортить никакие человеческие слабости или страсти. Отсюда постоянная строевая выучка, в жертву которой приносилась боевая подготовка армии, чем были весьма недовольны наиболее дальновидные генералы, и что в полной мере обнаружилось в Крымской кампании.

Но армию Николай любил и потому, что видел в ней безупречный образ *государственной машины*, которая, будучи запущена в дело, сама собой способна решить многие трудности и проблемы. Как отмечает его биограф Н.К.Шильдер, еще будучи Вел. кн. Николай преклонялся перед прусской военной системой. Навещая в Берлине своих коронованных родственников, он любил бывать на воинских выучках прусских солдат и поражал своих прусских друзей знанием всех мелочей воинской службы. Впоследствии, будучи уже императором, он так объяснял свое пристрастие: «Здесь порядок, строгая безусловная законность, никакого всезнайства и противоречия, все вытекает одно из другого, никто не приказывает, прежде чем сам не научится повиноваться /.../ Я смотрю на всю человеческую жизнь как на службу», (заклучил он свои пояснения⁶⁰ .

По этому аналогу военной службы была построена вся управительная система от волостной канцелярии до Государственного совета. Николай твердо верил во все-силие построенного по военному образцу государственного аппарата. Ему казалось, что такой бюрократический аппарат сможет держать под контролем всю жизнь общества и по мере необходимости регулировать ее. Военизация государственного аппарата распространилась и на административное управление. Во главе большинства губерний были назначены военные губернаторы со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями. Но хорошо известно, что машина может долго работать и на холостом ходу.

Как истинный самодержец Николай стремился не только во все вникать сам, но ни на минуту не выпускать руководства из своих рук. В этих целях наряду с обычной административно-управленческой системой при императоре была учреждена Собственная Его Императорского величества канцелярия. В I Отделение ее стекались все производимые в кабинетах государства дела и

попадали под бдительное око самого императора. Но одним из самых значительных деяний этого института власти стало издание Полного Свода Законов Государства Российского. Дело в том, что со времени царя Алексея Михайловича в России продолжал действовать созданный в 1649 г. Свод законов. И чиновники вынуждены были пользоваться указами, которые подшивались без всякой системы, один вслед за другим в толстенные книги. Склонный к порядку, Николай и поручил упорядочение старого Свода и кодификацию новых законов М.М.Сперанскому. В этих целях было создано II Отделение Собственной Его Императорского величества канцелярии. Полное собрание кодифицированных законов с 1649 по 3 декабря 1825 г. включительно составило 45 томов. К 1833 году было составлено еще 15 томов действующих законов Свода, принятого в качестве единственного основания решения всех дел. Новый Свод законов государства Российского открывался статьей, утверждающей незыблемость самодержавия: *«Император Российский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной власти не только за страх, но и за совесть, сам Бог повелевает»*.

Одновременно с работой над кодификацией законов, которые должны были послужить надежной опорой самодержавия, в ход был запущен другой, более действенный механизм управления — тайный сыск, идея которого принадлежала А.Х.Бенкендорфу. В секретной записке Николаю о реформе полиции он писал, что ее приемы широко используются в обыденной практике. Речь идет о перлюстрации служебной и частной переписки, что позволяет держать власти в курсе всех происходящих событий. К этому может быть присовокуплено и доноительство, специально по службе или добровольное за небольшую мзду или покровительство. Эта записка положила начало III Отделению Собственной Его Императорского величества канцелярии с включенным в него корпусом жандармов, т.е. политической полиции, в ведение которой пере-

шли все политические и наиболее крупные уголовные дела. Во главе III Отделения и был поставлен сам Бенкендорф, которого Николай любил за сообразительность и откровенность. Сотрудников III Отделения Николай использовал и для того, чтобы держать под контролем, или страхом постоянного контроля, все службы и даже частную жизнь обывателей, при этом «исключительно в интересах всех добропорядочно настроенных граждан». Он хотел приручить последних видеть в сотрудниках III Отделения непосредственных представителей государства. Тем самым как бы преодолевался барьер бюрократии, отделявший царя от народа. Царь при таком подходе становился подлинным «отцом» нации, призванным опекать ее от злокозненных намерений отдельных злоумышленников. «Никогда еще притязательная самонадеянность этой власти не поднималась в России так высоко, как в николаевское время. Она стремится поглотить и воплотить в себе всю общественность»⁶¹. Дополняло III Отделение Канцелярии IV Отделение, ведавшее чрезвычайными ситуациями. Через этот мощный бюрократический механизм власть самодержца действовала *помимо нормальной системы правительственных учреждений*, что создавало систему взаимной слежки и доноительства. Таким образом, в стране образовался худший вид двоевластия, когда одна власть могла списывать на другую все свои недочеты и провалы.

Волна революционного движения, прокатившаяся в 30-х годах по Европе и напрямую задевшая Россию (польские события), побудила власти обратиться к созданию соответствующей новым обстоятельствам идеологии, которая бы укрепила моральный дух нации. Автором новой идеологии принято считать министра народного просвещения С.С.Уварова, хотя идеи ее носились в воздухе. Однако именно он при посещении Московского университета уже в качестве министра после имевших там место студенческих волнений в докладной записке на

имя императора сумел кратко сформулировать новую идеологию. Настаивая на необходимости сочетания образования и воспитания в целях формирования полезных и верноподданных слуг царя и Отечества, Уваров считал, что необходимо «постепенно завладевши умами юношества, привести оное почти нечувствительно к той точке, где слиться должны, к разрешению одной из труднейших задач времени, образование правильное, основательное, необходимое в нашем веке, с глубоким убеждением и теплой верой в истинно русские охранительные начала *Православия, Самодержавия, Народности*, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог силы и величия нашего Отечества»⁶². Причем под православием имелась в виду не «внутренняя правда» самостоятельной русской церкви, о которой мечтали славянофилы, а православная церковь как незыблемый оплот самодержавия. Под народностью понимался идеализированный народ, в духе оперного Ивана Сусанина, готового положить жизнь за царя. Идея же самодержавия была облечена в белые патриархальные одежды. Такая формулировка и приобрела статус идеологии официальной народности и получила мощную поддержку в официозной прессе. Если в царствование Александра I могло казаться, что процесс европеизации России достиг своего расцвета, то царствование Николая I стало апогеем русского национализма. Как позже отметит П.Н.Миллюков, при Николае абсолютизм окончательно перестал быть «просвещенным»⁶³. Именно с царствования Николая *Россию начинают противопоставлять Европе*.

Николай прекрасно понимал, что основным из нерешенных вопросов, доставшихся ему в наследство, остается *крестьянский вопрос*, являющийся сердцевиной общего вопроса о *состоянии сословий*: нельзя было решить крестьянский вопрос, не затрагивая интересов помещиков. Уже в конце 1826 г. был создан первый Секретный комитет, призванный наметить пути развязки этого узла.

Предложенные этим комитетом проекты решительно настаивали на незыблемости крепостного права. Намечались лишь некоторые пути его смягчения. Но даже эти, ничтожные по своему содержанию, проекты остались нереализованными и забытыми. И все же Николай понимал, что от этого вопроса уйти нельзя, но как его разрешить, не разрушив самих устоев самодержавия, то есть не затрагивая интересов помещиков, он не знал. Для обсуждения этой проблемы возникают один за другим 9 Секретных комитетов с участием в них именитых сановников. Мозговым центром этих комитетов был назначен П.Д.Киселев — государственный деятель Александровской эпохи, который довольно успешно провел реформу государственных крестьян. Однако решение этой задачи облегчалось тем, что государственные крестьяне были лично свободными, и реформа лишь предусматривала изменение управления ими, передав его Министерству государственных имуществ. Реформирование же положения помещичьих крестьян при любом исходе не могло не затронуть интересов *«основного сословия»* империи, *«опоры трона»* — помещиков.

Для решения этой, в принципе неразрешимой, задачи и было создано V Отделение собственной Его Императорского величества канцелярии во главе с Киселевым. Работа по этой программе была сосредоточена в очередном Секретном комитете, деятельность которого, однако, была ограничена принципом *неприкосновенности помещичьей земельной собственности*. Все попытки Киселева обойти или как-то нейтрализовать этот запрет встречали obstruction со стороны членов комитета — крупных земельных магнатов. И в 1841 г. Николай окончательно отступился, ссылаясь на указ 1803 г., согласно которому освобождение крестьян возможно лишь при условии *«собственного желания»* на то помещиков. Так консервативное бюрократическое большинство Комитета взяло верх над мнением царя-Самодержца. Признав, что

крепостное право есть очевидное зло, Николай выразил *волю помещиков*, заявив, что прикасаться к нему в настоящее время было бы делом гибельным. Подобные ситуации не раз подмечал внимательный де-Кюстин: «Как это ни звучит парадоксально, самодержец всероссийский часто замечает, что он вовсе не так всемогущ, как говорят, и с удивлением, в котором он боится сам себе признаться, видит, что власть его имеет предел. Этот предел положен ему бюрократией, силой страшной повсюду, потому что злоупотребление ею именуется любовью к порядку, но особенно страшной в России», где бюрократия превратилась в административную систему, довлеющую над обществом⁶⁴.

В новые времена, проходившие под знаком революции 1848 г., инстинкт самосохранения побудил Николая встать в ряды европейской контрреволюции. Власть, созданная революцией и полагавшая свою законность в «воле народа», не может быть признана законной, считал он, ибо она подрывает легитимность законных государей. Европейские революции 1848 г. Николай рассматривал как личный вызов ему. И он добровольно возложил на себя функцию международного жандарма. 14 марта 1848 г. был опубликован Манифест, в котором общественное мнение России предупреждалось о «новых смутах», взволновавших западную Европу после «долголетнего мира», о «мятеже и безначалии», потрясавших Францию и угрожающих сопредельным с Россией странам. Император призывал всех русских защищать «неприкосновенность пределов империи», к борьбе «за веру, Царя и Отечество» и к победе, которая даст право воскликнуть: «с нами Бог, разумеете народы и покоряйтесь, яко с нами Бог». Это изобретенное им восклицание он любил повторять по любому поводу. Но Крымская война показала, что *«Бог не с нами»*. Перед смертью это понял и Николай. Он умирал с сознанием,

что оставляет сыну тяжелое наследство, что тридцать лет его деятельности во имя долга и величия России обернулись крахом.

3.2 «Революция сверху» как модель либерализации монархии

Одно из важнейших преимуществ самодержавия сравнительно с республиканской формой правления и Тихомиров и Ильин видели в том, что сила и мощь государства, сосредоточенная в одном лице монарха, способна к осуществлению крупного пакета реформ. Подтверждением тому может служить реформаторская деятельность Петра и «Великие реформы» Александра II, как их называли современники.

Александр II пришел к власти после сокрушительного поражения России в Крымской войне и общего кризиса николаевской системы. Он не был поклонником либеральных идей, как его дядя — Александр I. Напротив, еще цесаревичем, будучи привлеченным к работе в Секретных комитетах по крестьянскому вопросу, Александр был даже правее Николая, откровенно высказываясь в пользу безусловного сохранения помещичьей собственности на землю. Да и позже оставался верным идее самодержавия. Но в отличие от дяди и отца он был человеком, не лишенным здравого смысла. После поражения в Крымской войне ситуация в обществе резко изменилась. Среди «образованного общества» в списках ходили политические письма вчерашнего идеолога официальной народности М.П.Погодина, в которых он призывал власти к реформам. «Прежняя система отжила свой век», утверждал он в одном из писем. Под влиянием европейского либерализма изменилась лексика маститого историка. Так если в 1854 г. он ратовал за гласность и просвещение, видя в них залог развития общества, то в

начале 56 г. он призывал Александра II искать выход из кризиса уже на иных путях: «Свобода! Вот слово, которое должно раздаться на высоте самодержавного русского престола!»⁶⁵. Вчера еще запрещенное слово «свобода» стало у всех на устах. Но, как замечает либеральный историк конца XIX начала XX века А.А.Корнилов, это слово не только у Погодина, но даже у самых радикальных авторов, таких как А.И.Герцен и Н.Г.Чернышевский, было обращено к монарху⁶⁶. От монарха либеральная общественность ожидала насущных, впрочем весьма умеренных, социальных реформ. Так в записке Т.М.Грановского, опубликованной Герценом в «Голосах из России», выражалась желательность постепенного освобождения крестьян «без потрясения страны». Сам Герцен в открытом письме к Александру, опубликованном в 1855 г. в «Поллярной звезде», выдвигал *перед императором* весьма скромную программу: освобождение крестьян от помещиков, освобождение податных сословий от побоев и освобождение печати от цензуры⁶⁷.

Александр, первым делом которого было урегулирование тяжких последствий Крымской войны, после заключения весьма неблагоприятного мира силой обстоятельств вынужден был сосредоточить свои усилия на решении внутренних проблем. Как отмечает Л.Г.Захарова, «Александр II встал на путь освободительных реформ не в силу своих убеждений, а как военный человек на троне, осознавший «уроки» Крымской войны, как император и самодержец, для которого превыше всего был престиж и величие державы»⁶⁸. Александр понял, что если в прежних войнах Россия побеждала численностью армии и глубиной тыла, то в середине XIX века победу обеспечивает военная техника и регулярная обеспеченность армии всем необходимым, несовместимые с рекрутским принципом формирования армии и крепостным правом.

Еще при отце, участвуя в работе Секретных комитетов по крестьянскому вопросу, он понял актуальность этого вопроса и сколь трудно его решить без «потрясения страны», как выражался Грановский. Земля по закону («Жалованная грамота» 1785 г.) принадлежала помещикам. Царь не мог насильно ущемлять права сословия, которое составляет опору трона и к которому он сам себя причислял, без «потрясения основ» или без угрозы пресловутой «удавки». И все же здравый смысл подсказал ему ход решения этой, казалось бы неразрешимой, задачи: инициатива должна исходить от самих помещиков. Первый заход в этом направлении был сделан 30 марта 1856 г. в Москве в выступлении перед представителями дворянства. Александр заявил: «Слухи носятся, что я хочу объявить освобождение крепостного состояния. Это несправедливо... Вы может это сказать всем направо и налево. Я говорил то же самое предводителям, бывшим у меня в Петербурге. Но не скажу вам, чтобы я был совершенно против этого, мы живем в таком веке, что со временем это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнения со мною, следовательно, гораздо *лучше, чтобы это произошло свыше, чем снизу*» (выделено мною. — Л.Н.)⁶⁹. Так в сознание дворянства, и не только либерально настроенного, была внедрена мысль о необходимости перемен в крестьянском вопросе. Вторым шагом в этом направлении стал знаменитый рескрипт на имя виленского генерал-губернатора В.И.Назимова. Зная настроения помещиков Остезийского края, жаждавших отпустить своих крестьян на все четыре стороны, но без земли, виленский генерал-губернатор организовал от их имени ходатайство перед императором. В ответ на него 20 ноября 1857 г. и последовал рескрипт, в котором выражалась благодарность помещикам западных губерний за их почин. От имени правительства было предложено образовать дворянские губернские комитеты для обсуждения условий освобождения крестьян, но

одновременно сформулированы, так сказать, рамочные условия, в которых утверждалась необходимость решения проблемы «крестьянской оседлости», то есть обеспечения в той или иной форме крестьян землей.

Данный рескрипт, разосланный по инициативе либерально настроенных чиновников правительственного аппарата по всем губерниям, сыграл роль катализатора в подготовке крестьянской реформы, тем более что с обсуждения проблемы в интересах дела были сняты цензурные запреты. С ведома императора был запущен механизм *гласности*. Именно в связи с рескриптом 20 ноября 1857 г. Герцен посвятил Александру восторженную статью с многозначительным эпиграфом: «Ты победил, Галилеянин!». «Имя Александра, — патетически писал он, (принадлежит истории: если бы его царствование завтра окончилось, если б он пал под ударами каких-нибудь крамольных олигархов, бунтующих защитников барщины и розги, — все равно, начало освобождения сделано им, грядущие поколения этого не забудут!»⁷⁰. В таком же духе выдержана статья Чернышевского в «Современнике»: «Высочайшими рескриптами, данными 20 ноября, 5 и 24 декабря 1857 года, благополучно царствующий государь император начал дело, с которым по своему величию и благотворности может быть сравнена только реформа, совершенная Петром Великим»⁷¹.

Правда, по ходу дела положение стало меняться. Появились первые либеральные проекты и программы К.Д.Кавелина, А.М.Унковского, Ю.Ф.Самарина и др. Важнейшее для России дело — освобождение крестьян — способствовало консолидации либерально настроенных сил внутри правительственного «бюрократического» аппарата во главе с министром внутренних дел С.С.Ланским, товарищем министра Н.А.Милютиным. Одновременно сформировалась консервативно-охранительная «партия плантаторов», выражавшая интересы помещиков черноземных губерний, заинтересованных в освобожде-

нии крестьян *без земли*. Так уже во время подготовки реформы произошел раскол общественного мнения. Под двойной пресс общественного влияния попал и император, за которым оставалось последнее слово и который ни на минуту не хотел отказаться от своей прерогативы самодержца. Отсюда его колебания, или как писал Герцен, «зигзаги слева направо», выражавшиеся в частой смене руководителей и исполнителей программ, что не могло не сказаться на содержании реформы.

В результате крестьянская реформа 19 февраля 1861 года стала определенным компромиссом. *«В правовом отношении, — подчеркивал А.А.Корнилов, — крестьянская реформа была без сомнения колоссальным шагом вперед во всей новейшей русской истории. Упразднив крепостное право над личностью крестьянина, она открыла широкий путь к полному освобождению народа»*⁷². Но как всякий компромисс, она вызвала разочарование в обществе и породила его раскол на радикалов и консерваторов. Не того ожидало и крестьянство. Н.Я.Эйдельман, оценивая реформу с учетом современного опыта, пишет: «Несомненно, с революционно-демократической, крестьянской точки зрения реформа могла, должна была быть лучше; однако следует ясно представлять, что она могла выйти и много хуже». По поводу же отмеченных Герценом «зигзагов» императора он остроумно замечает: «Размышляя над разными движениями власти «слева — направо», заметим, что эти «галсы» были так же в природе вещей: едва ли не буквально оказывается метафора, что всякий спуск с горы требует «зигзагов». Преобразования сверху все время корректируются левыми и правыми движениями — иначе произойдет стремительное, катастрофическое падение»⁷³.

Как бы то ни было, но крестьянская реформа привела к коренному изменению социальной структуры российского общества. Она расчищала пространство для строительства гражданского общества, что предполагало необходимость продолжения реформ, ибо их незавершен-

ность грозила общим обвалом. Это интуитивно понимал и Александр II. В условиях жесточайшей реакции со стороны «партии плантаторов» и открыто объявленного императору террора со стороны революционных «нетерпеливцев» мучительно, с трудом, «зигзагами» рождалась серия либеральных реформ. Сегодня, имея весьма не оптимистический и незавершенный опыт реформ конца XX века, простой перечень реформ, осуществленных царским правительством в 60-х гг. прошлого века, внушает уважение и изумление:

19 февраля 1861 г. (крестьянская реформа: отмена крепостного права);

1864 — реформы в сфере народного образования, в том числе новый университетский устав, определивший автономию университетов;

1864 — земская реформа, положившая начало местному самоуправлению;

1864 — одна из самых демократичных судебная реформа;

1865 — реформы в области печати и цензуры, обеспечивающие гласность;

1870 — городская реформа, открывшая начала городского самоуправления;

1874 — радикальная военная реформа на основе введения всеобщей воинской повинности.

Не случайно в либеральных кругах, среди тех, кто принимал участие в разработке проектов и *делании самих реформ*, за Александром II закрепилось имя *«царя-Освободителя»*, а за 60—70-х годами — характеристика *«эпохи Великих реформ»*.

Естественно возникает вопрос: что является иницилирующей силой этих реформ со всеми их контрверсами? В ответ на него следует обозначить три источника: 1) историческая эпоха, *востребовавшая перемен во что бы то ни стало*; 2) рост *либеральных настроений* в обществе и в управленческом аппарате, способствовавший консо-

лидации преданной идее команды разработчиков реформ; 3) и несмотря ни на что, *решимость императора* идти по пути реформ, хотя в конечном счете они вели к ограничению самодержавия. Этого, разумеется, Александр-самодержец стремился избежать, хотя как государственный деятель в глубине души понимал общую логику исторического процесса.

Продвижение реформ, как уже отмечалось, вызвало жесточайшее сопротивление как со стороны «партии плантаторов», так и со стороны «развязанной» молодежи, принадлежащей к сословию разночинцев, численность которого быстро росла *благодаря* реформам. Разочаровавшись в тактике «хождения в народ», они перешли к открытой конфронтации с властью, в том числе к отрицанию положительного опыта «отцов». С легкой руки И.С.Тургенева это, ставшее модным, направление получило почти собственное имя — «нигилизм».

4 апреля 1866 года прозвучал выстрел Каракозова, произошло первое покушение на жизнь царя-Освободителя. И хотя при всем пристрастии следственного дела заговора не было обнаружено, само покушение на *священную особу государя* и причастность Каракозова к *подпольной организации* сыграли роковую роль: оно, по выражению Ф.М.Достоевского, послужило сигналом, что «*Все дозволено!*». Это развязало в стране *кровавый террор*, который всегда бывает двусторонним. Ответом на выстрел стала полоса политических репрессий, породившая новые покушения и новую волну репрессий. В конце концов, это привело к расколу общества. Партия радикальных революционеров — «Народная воля», точнее ее Исполнительный комитет, увидела в терроре, с той и другой стороны, надежнейшее средство пробуждения революционного духа в народе и откровенной провокации его на революцию. После очередного неудачного покушения на императора (подкоп на железной дороге и взрыв царского поезда) вышел № 3 подпольного органа «На-

родной воли», открывающийся некрологом в память 3 казненных товарищей по партии. В этом преступлении обвинялся «Александр — вешатель». И далее читатели оповещались о только что произошедшем покушении на царя (сколько при этом было напрасных жертв, не сообщается), ответственность за которое Исполнительный комитет «Народной воли» взял на себя. Более того, в листе «Народной воли» и дополнительно в прокламации, рассчитанной, по-видимому, на массовое распространение, объявлялось, что «смерть Александра II — дело решенное», и доведения его до конца — вопрос времени. В прокламации этот тезис представлен в обостренно развернутом виде: «Александр II — главный представитель узурпации *народного самодержавия*, главный столп реакции, главный виновник судебных убийств /.../ Он заслуживает смертной казни за всю кровь, им пролитую, за все муки, им созданные». Политике реформ народовольцы противопоставили революцию, независимо от того, какой кровью она будет оплачена. «Общественная реформа в России — это Революция». Так «деспотической утопии» самодержавия революционеры противопоставляют свою, «народную утопию», в которой народ выступает как верховный распорядитель своих судеб⁷⁴.

Напряженность противостояния двух сил нарастала. Результатом этого противостояния были усилившиеся репрессии с одной стороны и террор — с другой. Исходом его стала трагическая смерть императора. И все же в этом противостоянии победил Александр II, победил потому, что реформы, заложенные им, не смогли перечеркнуть ни террористы, ни контрреформы последующего царствования. Революционные радикалы «Народной воли» проиграли: партия была разгромлена, но главное — мученическая смерть царя не пробудила революционного духа народа, на что они рассчитывали, напротив, все общество было шокировано случившимся.

По поводу случившегося Ильин задается вопросом, мучившим не только его: что побудило радикальных революционеров, или «нетерпеливцев», как их называли в обществе, терпеливо сносивших деспотизм николаевского режима, выступить таким образом против царя реформатора? «То, во что они не верили, и чего многие и не хотели, были *реформы, исходящие от трона*». «Отсюда все покушения на Александра II, озлобленность и жестокость которых он сам не мог понять, когда после московского железнодорожного покушения со слезами на глазах спрашивал: «За что они так ненавидят меня?!» Ответ мог быть трагически прост: *за творческое оправдание русского трона перед лицом народа и истории...*»⁷⁵.

Отмена крепостного права, независимо от отношения к ней, вызвала цепную реакцию реформ практически во всех сферах жизни гражданского общества. В процессе и результате глубоких социальных преобразований *Россия вступила в новую эпоху развития*. Их завершением должно было стать принятие «Конституции Лорис-Меликова», предполагавшая введение представительного органа с законосовещательными правами. Реализация проекта Лорис-Меликова не ограничивала самодержавия, но его развитие вело к тому. Подписывая **1 марта 1881 г.** проект к рассмотрению его в Совете министров 4 марта, царь понимал это. Но седьмой террористический акт народовольцев против царя сорвал эти намерения и тем самым закрыл альтернативу либерального развития страны.

В содержательном и проблематичном исследовании Б.Г.Литвак, о чем свидетельствует само название труда: «Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива», характеризует эпоху 60-х годов как скачок в социальном развитии России: «Крестьянская реформа 1861 г. больше всех остальных коснулась экономического базиса общества, и оказалось, что одно только снятие с рук десяти миллионов мужиков

высвободило такую затаенную энергию, что в течение двух десятилетий Россия совершила гигантский скачок в своем экономическом развитии», чему автор приводит фактическое подтверждение⁷⁶. И все же, отвечая на поставленный в заглавии книги вопрос «почему не реализовалась реформаторская альтернатива?», автор видит причину этого в политической незавершенности социальных и экономических реформ. Правда, так и остается неясным, кто виноват в этом: террористы, все время тормозившие нормальное развитие реформ, убитый ли ими император Александр II, незавершивший реформы, или восторжествовавшая в лице Победоносцева и самого наследника престола Александра III реакция. Думается, что причиной срыва, незавершенности реформ стал парадоксальный союз агрессивной реакции и революционного радикализма. Впрочем, аналогичная ситуация еще не раз будет складываться в истории России. Более того, основоположники марксизма видели в ней специфический и оптимальный путь развития России. Так К.Маркс, солидаризируясь с одним из своих русских корреспондентов, писал: «Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она идет с 1861 г., то она упустит наилучший шанс, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу и испытает все роковые злоключения капиталистического строя». Вслед за Ф.Энгельсом он практически поощрял метод террора как вполне «естественный» для России способ борьбы⁷⁷.

Двусмысленность отношения различных классов к реформам и их инициатору — Александру II отмечает и В.О.Ключевский. «Имп. Александр II совершил великую, но запоздалую реформу России: в величии реформы — великая историческая заслуга и[мперато]ра; в запоздалости реформы — великое историческое затруднение русского народа. Но общество решило, что Россия сошла со старых основ своей жизни, и по этому решению настроило свое историческое мышление. Отсюда родился ряд

практических недоразумений». К числу этих «недоразумений» историк относит равнодушие общества (имея в виду образованные классы), которое «не всегда оказывалось на высоте положения, создававшегося реформами». Не на высоте положения, по его мнению, оказались и крестьяне, не сумевшие должным образом воспользоваться открывавшейся перед ними перспективой. «Отвращение к труду, воспитанное крепостным правом в дворянстве и крестьянстве, надобно поставить в ряду важнейших факторов нашей новейшей истории. *Торжеством этой* настойчивой работы старины над новой жизнью было внесение в нравственный состав нашего общества нового элемента — недовольства, и притом неискреннего недовольства, в котором недовольный винил в своем настроении всех, кого угодно, кроме самого себя, сливал грех уныния с больной головы на здоровую»⁷⁸.

Однако, и правовед Ильин, и историк Ключевский упускали из вида, что проведенные реформы подрывали корни самого самодержавия. Полная и последовательная реализация реформ неизбежно вела либо к конституционной монархии, постепенный «бархатный» переход к которой пытался осуществить М.Т.Лорис-Меликов, либо к ее падению. Попытки «подморозить самодержавие», предпринятые Александром III, лишь оттягивали время его конца.

3.3. Опыт реанимации самодержавия

Царствование Александра III вошло в российскую историю под знаком контрреформ, направленных на укрепление пошатнувшегося самодержавия. Александр не предназначался в наследники Российского престола. К этому готовился его старший брат, умерший в возрасте 20 лет. И следующего наследника просто не успели приготовить к его великой миссии. Суждения о новом императоре во время

его прихода к власти и особенно после были весьма противоречивые, от самых уничижительных до возведения его в ранг «царя милостью Божьей». Так С.Ю.Витте в своих «Воспоминаниях» характеризовал наследника как человека «ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования». Приблизительно так же оценивал способности своего ученика и его воспитатель К.П.Победоносцев. Но по мере вхождения нового царя во власть отношение к нему меняется. Тот же Витте уточняет свою характеристику: «Александр III был человеком сравнительно небольшого образования, можно сказать — он был человеком ординарного образования. Но вот с чем я не могу согласиться и что часто мне приходилось слышать, это с тем, что император Александр III не был умным... Может быть, у императора Александра III был небольшой ум рассудка, но у него был громадный, выдающийся ум сердца», что, по мнению автора, важнее ума рассудка⁷⁹.

Из этого разночтения можно, пожалуй, признать четыре качества, свойственных новому императору: это был весьма необразованный человек, но обладающий природным умом, флегматик по натуре, склонный к упрощению возникающих перед ним проблем, но стоящий на принятых решениях до конца, в его убеждениях преобладало одно — *безусловная преданность православной идее самодержавия*. Среди наставников наследника и самодержца следует выделить роль профессора права, позже обер-прокурора Святейшего синода К.П.Победоносцева, убежденного монархиста, считавшего, что только самодержавный строй может сохранить величие России. Так здоровые инстинкты ученика и целеосмысленная воля учителя слились воедино. Им удалось, по выражению Леонтьева, «на время подморозить Россию». Нужно ли удивляться тому, что весьма умеренный проект представительного учреждения, так называемая «Конституция Лорис-Меликова», подписанный Александром II в день

его гибели к рассмотрению в Совете министров, после страстной отповеди Победоносцева был провален новым царем. В результате все либерально настроенные министры прошлого царствования вынуждены были уйти в отставку. Так одним приемом была устранена опасность «конституционных мечтаний» и расчищено социальное пространство для контрреформ.

Первоначально в сфере государственного управления Александром — поклонником старины — был опробован вариант возрождения исконно русских форм государственности. Вместо умного и осторожного Лорис-Меликова министром внутренних дел был назначен Н.П.Игнатьев, известный в обществе своими заигрываниями со славянофильством да еще, по свидетельству самого Победоносцева, крайней беспринципностью. Учитывая неизжитые либеральные настроения части интеллигенции, он с помощью вождя позднего славянофильства И.С.Аксакова, решил канализировать эти настроения в русло национальной политики. Аксаков вместе со своим «напарником» разработал «грандиозный план» созыва всесословного Земского собора, «способный посрамить все конституции в мире, нечто шире и либеральнее их и в то же время удерживающее Россию на ее исторической, политической и национальной основе»⁸⁰. Приуроченный к коронации Александра Земский собор, по мысли его проектировщиков, должен был всенародно подтвердить необходимость для России самодержавия. Однако коронация затягивалась, медлительный, как всегда, Александр не торопился с одобрением проекта. Зато об идее Земского собора прознали более искушенные политики — Победоносцев и Катков, увидевшие в ней опасную провокацию «несбыточных мечтаний» о конституции. Эту мысль они сумели довести до императора. Почувствовав угрозу самодержавию, царь сменил на посту министра внутренних дел склонного к авантюрам Игнатьева Д.А.Толстым, репутация которого

оценивалась современниками однозначно — как махрового реакционера, ненавидящего всякое проявление свободы. Так закончился утопический социальный эксперимент реанимации прошлого в исторических условиях, давно перешагнувших его время.

Утверждение реакционера Толстого в должности министра внутренних дел означало решительный отказ Александра от преобразований страны, начатых отцом, и возвращение к тотальному самодержавию. Можно согласиться с В.А.Твардовской, усматривающей наличие общего *плана контрреформ* в правительстве Александра III в ликвидации всех общественных завоеваний, достигнутых в предшествующее царствование⁸¹. К их числу, начиная с отмены проекта «конституции Лорис-Меликова», следует отнести «Положение о мерах к охранению государственного порядка». Фактически это означало признание власти, что она *не способна управлять страной на основе своих собственных законов*. И хотя эти меры объявлялись временными, они просуществовали до 1917 года. Впрочем, как известно, *всякая реставрация неизбежно принимает незаконный характер*. За ним последовал закон о введении должности земских начальников из числа местных помещиков, которым перепоручались полицейские функции по отношению к крестьянам при том, что их деятельность оплачивалась из казны, этому сопутствовал ряд контрреформ, направленных на реанимацию общины, как особого типа жизнеобеспечения «крестьянского сословия», усиление ее полномочий по отношению к волеизъявлению отдельных хозяйствующих на земле субъектов.

Контрреформы распространялись и на духовную сферу. В 1884 г. был принят новый университетский устав, ликвидировавший их автономию, тогда же введены «Временные правила о печати», то есть, по существу, правила карательной цензуры; резко ограничены полномочия суда присяжных, из ведения которых исключались политические дела, разрешена административная высыл-

ка «неблагонадежных»; ряд циркуляров по народному просвещению, в том числе и вошедший в историю циркуляр о «кухаркиных детях» и др. Новое Положение о земских учреждениях, казалось бы, поставило точку в системе контрреформ и восстановлении прерогатив самодержавия. Не случайно по этому поводу ликовал в своей проправительственной газете «Московские ведомости» Катков, претендовавший на роль, как бы теперь сказали, имиджмейкера новой власти и весьма преуспевающий в этом: «Итак, господа, встаньте, — правительство идет, правительство возвращается!» Совершенно иначе оценивал эпоху царствования Александра III подлинный властитель дум эпохи — Л.Н.Толстой, как эпоху, «разрушившую все то доброе, что стало входить в жизнь при Александре II, и пытающуюся вернуть Россию к варварству времен начала нынешнего столетия»⁸².

Александр и его доверенные сановники прекрасно понимали, что самодержавие без дворянства не может иметь политической будущности. Видя в разложении дворянского сословия реальную угрозу самодержавию, они попытались приостановить этот процесс. Свое царствование Александр III начал с того, что объявил помещичью собственность на землю неприкосновенной. Позже, воспользовавшись столетним юбилеем «Жалованной грамоты дворянству», он еще раз подтвердил ведущую роль «благородного сословия». Этим идейным установкам соответствовали и определенные дела. В 1885 г. был учрежден Дворянский поземельный банк, предоставлявший на очень льготных условиях ссуды помещикам для реорганизации хозяйственной деятельности в новых условиях. Но эта мера лишь усугубила разорение дворянства. Ссуды неумело расходовались, имения закладывались, перезаклаывались, пока, наконец, не попадали в руки спекулянтов-перекупщиков. Короче, по определению Г.В.Плеханова, правительство Александра III привело «первое сословие» к экономическому краху и к полнейшей деморализации.

В решении крестьянского вопроса Александр III, любивший, когда его называли «мужицким царем», пошел двумя путями. С одной стороны, при нем были несколько снижены выкупные платежи крестьян, отменена подушная подать, организовано переселение крестьян на пустующие земли, учрежден Крестьянский банк, в котором крестьяне могли брать ссуду, впрочем, на гораздо более жестких условиях, чем помещики в Дворянском банке. С другой стороны, правительство Александра постаралось по-новому прикрепить крестьян к земле и вернуть их под контроль помещиков. Были предприняты законодательные меры по укреплению общины. На это был направлен закон о неотчуждаемости крестьянских наделов и ограничении переделов земли, усиление роли общины. Это связывало хозяйственную инициативу крестьян, стесняло их свободное перемещение. Введение должности земских начальников, назначаемых из помещиков, возвращало крестьян под их опеку и контроль в обход земским выборным учреждениям. Наконец, контрреформа по земским учреждениям резко снизила представительность в них крестьянского сословия и его статус. Однако все эти мероприятия оказались слабо эффективными. Деревня продолжала нищать, община разлагаться. На этой почве происходило выделение и обогащение прослойки кулачества и отток дешевой неквалифицированной рабочей силы в города, что не решало проблемы деревни, но создавало новые проблемы для города.

Итак, две самые фундаментальные скрепы самодержавия — дворянское и крестьянское сословия, дали трещину. Однако реформы предшествующего царствования сделали свое дело: на фоне разложения сословных отношений под покровом охранительных контрреформ в России медленно, и мы бы сказали «тупо», шло развитие *«русского капитализма»*. Развитие капитализма в России изначально, начиная с Петра, проходило при прямом

покровительстве самодержавия и потому было заинтересовано не столько в свободе, сколько в укреплении этой связи. После разгрома русской армии в Крымской войне стало ясно, что без интенсивного развития промышленности Россия обречена скатиться на обочину истории. Это понимали наиболее прозорливые представители власти (Н.Х.Бунге, С.Ю.Витте и даже К.П.Победоносцев). Отчасти это понимал и император. Выход из промышленного кризиса был найден им в политике откровенного, доведенного до цинизма, протекционизма. Запретительные импортные пошлины, отсутствие конкуренции внутри страны позволяли русским предпринимателям диктовать цены потребителю и наживаться за его счет. По поводу деструктивности такой политики сетовал даже К.П.Победоносцев⁸³.

Одновременно царское правительство по совету Витте санкционировало централизацию железнодорожного строительства — ведущей в то время отрасли промышленности, — и соответственно эксплуатации железных дорог. Русский капитал жаждал захвата новых рынков Средней Азии, Польши, Финляндии. На этой почве состоялась как бы негласная сделка между правительством и капиталом: «Вы поддерживайте нас против конституционалистов, мы же, со своей стороны, будем охранять вас от конкуренции западноевропейских товаров». «Наши купцы постоянно говорили о «стратегии», а наши полководцы об «интересах торговли» — иронизирует Плеханов⁸⁴.

Поощряя, по рекомендациям Бунге и Витте, промышленное развитие, Александр ощущал противоречивость этого процесса, порождающего *новую для России форму противоречий между трудом и капиталом*. Отсутствие рабочего законодательства побудило царя взять на себя роль Отца-посредника между предпринимателями и рабочими. В царствование Александра были приняты и первые рабочие законы: об ограничении работы малолет-

них, о воспрещении ночного труда женщин и детей, введена фабричная инспекция с достаточно широкими полномочиями надзора за деятельностью хозяев и рабочих. Однако складывающиеся в стране новые производственные отношения, как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, все больше выходили из-под патриархального контроля самодержавия. Они требовали иных, либерально-правовых форм управления. Подтверждением тому стали нарастающие стычки между рабочими и хозяевами, в частности крупнейшая для того времени стачка на морозовских мануфактурах в Ивано-Вознесенске. Подтверждением тому стал и страшный голод 1891—92 гг. в богатой сельскохозяйственной стране. Разрыв между развивающейся под эгидой государства промышленностью и все еще не преодолевшей крепостнических отношений разоряющейся деревней усиливался.

В целях преодоления нарастающего противоречия была произведена смена идеологического курса. Не срабатывающую более идеологию официальной народности дополнила идеология «России для русских», призванная усилить «духовное единение нации». И она действительно способствовала активизации самых низменных инстинктов людей, выбитых из своего привычного социального состояния. Впрочем, шовинизм в равной мере проявлялся как в низах деклассированного общества, так и на самом высшем уровне царского окружения. Выражением национальной политики самодержавия стала откровенная русификация национальных окраин, распространявшаяся и на более развитые, чем Россия, Польшу и Финляндию. Этому соответствовала оголтелая шовинистическая кампания в бульварной и проправительственной прессе. Разжигание националистических страстей привело к еврейским погромам, к столкновениям на национальной почве.

Александра III иногда называют царем-миротворцем. При нем действительно не велось крупных военных кампаний. Но Плеханов не видит в этом заслуги царя: *«Он лишь пожинал плоды франко-германской войны 1870-1871 гг., бросившей Францию в объятия русского царя»*⁸⁵. Франция в своем противостоянии Германии возлагала большие надежды на дружбу с «северным колоссом». В результате активности французской политики в этом отношении Россия оказалась втянутой ко многому обязывающий союз «Сердечного согласия» с Францией, вскоре переросший в тройственный империалистический союз — Антанту. Так в царствование «царя-миротворца» была заложена неизбежность участия России в империалистической войне в самых невыгодных для нее условиях.

Однако в эпоху царствования самого Александра III, казалось, еще ничто не предвещало скорого конца Российской империи. Многие историки, в том числе современные, считают царствование предпоследнего Романова самым спокойным, едва ли не образцовым. Естественно возникает вопрос: почему Александру III так легко удалось осуществить целую серию контрреформ? Конечно, в этих начинаниях его поддерживала бюрократическая олигархия, а также масса мелких и средних помещиков, рассчитывавших на восстановление своего пошатнувшегося положения. Не удовлетворенным предшествующей реформой оставалось и крестьянство: слишком малыми оказались наделы и слишком большими выкупные обязательства, свои надежды оно связывало с «добрым царем». Основная масса фабричных мастеровых — вчерашних обезземелившихся крестьян, так же уповала «на царя как родного отца», как поется в народной песне. И нарождающийся капитализм видел залог своего процветания в государственных заказах и покровительстве царя. Таким образом, *политика контрреформ молчаливо исходила из столь же молчаливой (пока) поддержки* или, во всяком случае, сочувствующего нейтралитета различных слоев населения.

Более того, в практике контрреформ 80—90-х гг. просматривается определенная *историческая закономерность*. Любая радикальная реформа разрушает сложившиеся, плохие или хорошие, стереотипы жизненной деятельности людей, их привычки и образ мышления, порождая у одной части населения неудовлетворенность реформами, решимость их изменить во что бы то ни стало, у другой — пассивную ностальгию по прошлому порядку. В результате возникает разрыв между авангардом реформ и их арьергардом. На этой почве, как правило, и произрастают системы контрреформ. Они оттягивают вырвавшийся вперед авангард к увязшему в непривычных обстоятельствах арьергарду, обрекая тем самым все общество на движение вспять. Значит ли это, что контрреформы есть неизбежное следствие эпохи радикальных реформ? Опыт истории позволяет дать отрицательный ответ на этот вопрос. Но система реформ, какой бы она ни была радикальной, должна предусматривать, с одной стороны, возведение их «под правовую крышу», или, как говорили либералы 60—80-х гг., «увенчания здания», имея в виду конституцию, с другой стороны, обеспечение прочной социальной базы, то есть *создание среднего класса*. И если «конституцию Лорис-Меликова» можно было бы посчитать движением в первом направлении, то по отношению ко второму — не было ничего предпринято ни царем-освободителем, ни поборниками «русского капитализма» с его ориентацией на государственный протекционизм. Таким образом, в незавершенности реформ 60—70-х годов причина успеха контрреформ Александра III. Но как всякая *реализовавшаяся утопия*, она оставляла после себя *вакуум*, чреватый разрушительными последствиями.

Порочность сложившейся системы видел прозорливый Витте, но во время своего служения власти и он не смог предотвратить ее пагубных последствий. Лишь позже в своих писавшихся под строжайшим секретом «Вос-

поминаниях» он позволил себе объективно оценить эпоху царствования Александра III, к которой был причастен. Императору Александру III, писал он, ставится в укор наряду с пересмотром университетского устава 60-х годов перемена земского положения 64 года на положение 90 года, введение земских начальников, вообще введение принципа какого-то патриархального покровительства над крестьянами как бы в предположении, что крестьяне навеки должны оставаться «в таких стадных понятиях и стадной нравственности». И хотя как верноподданный он старается реабилитировать императора его «добрыми намерениями», все же безоговорочно констатирует: «Я эти воззрения считаю глубоко неправильными воззрениями, которые уже имели очень большие дурные последствия, выразившиеся в событиях, разгоревшихся в 1905 году; эти воззрения еще будут иметь громадные дурные последствия в жизни России»⁸⁶. Таким образом, один из умнейших государственных деятелей России напрямую связывает систему контрреформ царствования Александра III, резко изменивших курс развития страны по пути либерализации, с общесистемным кризисом самодержавия, приведшим его к краху.

3.4. Падение самодержавия

Николай II вступил на престол Российской империи 20 октября 1894 года. И ничто, казалось, не предвещало ее скорого конца. Отец — Александр III оставил, ему государство в более или менее стабильном состоянии. Сам Николай — старший сын в семье, изначально готовился к своей миссии. Он получил приличное общее образование и одновременно прошел солидную военную подготовку. В возрасте 13 лет Николай становится цесаревичем, то есть законным наследником престола. С.Ю.Витте характеризует Николая как человека «несомненно, очень

быстрого ума и очень быстрых способностей». В этом отношении он стоит «гораздо выше своего августейшего отца»⁸⁷. Однако м-м Богданович, весьма осведомленная хозяйка салона высшей бюрократии, записывает в своем дневнике уже в 1899 г.: «Общее мнение о царе, что у него нет своего мнения, всякий, кто последний с ним говорил, тот и прав в его глазах»⁸⁸. По признанию многих историков Николая отличала склонность к религиозному мистицизму. С малолетства он уверовал в идею провиденциальной основы царской власти, которая *предопределена ему Божественным Провидением*. Подобный рефрен пронизывает все официальные документы и неофициальные письма царя. По выражению Г.П.Федотова, Николай был «православным романтиком», что лишало его воли к самостоятельным решениям и определяло покорность судьбе, в каком бы облики она не выступала.

Склонность царя к мистическим откровениям и таинствам, усиленную влиянием императрицы Александры Федоровны, отмечают многие современники. Отсюда то постоянное окружение царской семьи различного рода целителями, предсказателями, «святыми людьми», в числе которых Григорий Распутин был отнюдь не единственным, но самым влиятельным. И хотя многие современные биографы считают слухи о влиянии Распутина на политику царя, равно как и влияние его супруги, едва ли не переходящее в шпионаж, сильно преувеличенными, важно то, что они получили широкое хождение в массовом сознании. Тем самым, по определению Ильина, подрывалось *монархическое правосознание народа*.

В этом состояла драма последнего монарха. Дело в том, что, как справедливо замечает один из современных его биографов А.Н.Боханов, «благочестивый христианин вряд ли вообще мог быть удачливым правителем в новейшее время. Если родоначальник романовской династии, Михаил, в первой половине XVII века имел возможность править, опираясь на веру и молитву, находя в пророчествах и предсказаниях ответы на многие вопросы, то через 300 лет требовалась уже совсем другая опора»⁸⁹.

Но Провидению, как твердо веровал Николай, было угодно именно Его призвать на трон самодержца Российского. И хотя у него, как у всякого наследника, была альтернатива выбора, в речи на торжественном приеме по случаю восшествия на престол в 1895 году он твердо объявил о своем призвании: «Я рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления верноподданических чувств. Верю искренности этих чувств, искони присущих каждому русскому. Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что Я, посвящая все Свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его Мой незабвенный покойный родитель»⁹⁰.

Эта речь определила расстановку социальных сил на весь период царствования Николая II. Она вызвала глубокое разочарование либеральной общественности и создала непреодолимый барьер между императором и наиболее прогрессивными кругами интеллигенции и деловых кругов. И логика истории была на их стороне: то, что удалось сделать императору-отцу, «подморозить Россию», не могло удалиться сыну — Россия оттаяла. Произошла резкая дифференциация социальных сил. Когда-то более или менее замкнутые сословия оказались размытыми, на их основе формировалась новая социальная (классовая) структура общества, выходящая за сферу компетенции и управленческих возможностей самодержавия.

Но как бы то ни было, став императором, Николай был полон благих намерений с достоинством исполнить свое призвание. В одном из писем П.А.Столыпину Николай следующим образом продекларировал свое монархическое кредо: «Я имею всегда одну цель перед собой: благо родины; перед этим меркнут в моих глазах мелочные чувства отдельных личностей»⁹¹. Позже, ответив на

вопрос всероссийской переписи о роде занятий — «Хозяин земли Русской», Николай искренне стремился править страной как хороший хозяин.

Однако, злой рок, используя провиденциалистскую терминологию, казалось, преследовал Николая с первых лет его царствования. Коронации Николая в 1896 г. В Москве сопутствовала катастрофа на Ходынском поле, оставившая после себя около двух тысяч раздавленных в толпе, соблазненной царскими гостинцами. И в этот же день, боголюбивый царь вопреки элементарному чувству сострадания, отправляется на бал во французское посольство, что, естественно, стало достоянием общественного мнения. В 1896—97 гг. происходят крупные стачки в Петербурге, Екатеринославе, Орехово-Зуеве и др. городах. За ними последовала первая всероссийская студенческая забастовка, ответом на которую стали Временные правила, разрешающие за участие в беспорядках сдачу студентов в солдаты. В ответ на это выстрелом студента Карловича, смертельно ранившего в 1901 г. Министра народного просвещения Н.П.Боголепова, подписавшего эти Правила, был открыт мартиролог видных царских сановников. Инициативу террора от разгромленных народовольцев перехватили эсеры. Вскоре этот список пополнился убийством министра внутренних дел Д.С.Сипягина и вновь назначенного министра В.К.Плеве. Дело дошло и до членов царской фамилии. В начале 1905 г. Был убит московский генерал-губернатор, дядя императора Вел. Кн. Сергей Александрович. Злой рок преследовал царя и в семейно-династическом плане. Долгожданный наследник престола оказался неизлечимо больным ребенком, что усилило мистические настроения царя. Неудачи по проведению войны с японцами, с помощью которой власти рассчитывали снять внутреннее напряжение в стране, завершилась трагедией полного поражения русской армии. Неудача в войне дезорганизовала экономику страны и деморализовала патриотические чувства народа. На этой почве вновь

поднялась волна народного недовольства и консолидации политических антиправительственных сил. Кульминацией антиправительственных настроений стало «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 г. И хотя царя в это время не было в Петербурге, общественное мнение народа прочно связало произошедшую трагедию с его именем.

9 января 1905 года послужило прологом первой русской революции. Под напором нарастающего революционного движения власти вынуждены были пойти на уступки. Попытки ограничиться полумерами, типа Булыгинской законосовещательной думы, наподобие Лорис-Меликовской, не увенчались успехом. Время для этого безвозвратно ушло. По рекомендации Витте царь вынужден был, переступив через свои убеждения и принципы, 17 октября 1905 года подписать Манифест о созыве Государственной думы.

Манифест 17 октября, подготовленный Витте, был выдержан в высоком стиле народной печали и царской милости. «Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великою и тяжкою скорбью преисполняют сердце наше. Благо российского государя неразрывно с благом народным и печаль народная его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единства державы всероссийской». В текст Манифеста по настоянию Николая были включены слова, призванные сохранить лицо самодержца: Манифест был преподан как *милость монарха*, который перепоручает правительству «даровать населению *незыблемые основы гражданской свободы* на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов /.../. Установить, как *незыблемое правило*, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от

нас властей»⁹². Монархическое правосознание в этом Манифесте выдает себя лишь в словах *даровании* монархом конституции своим подданным. Но известно, что царь еще не раз попытается забрать назад или урезать свои «дарования», что в конечном счете и приведет к окончательному падению не только самодержавия в России, но и невозможности его замены конституционной монархией, ибо подорванной оказалась сама монархическая идея.

В тронной речи на открытии Государственной думы Николай попытается восстановить монархическую идею, заговорив с думцами как «Хозяин земли Русской»: «Все-вышним Промыслом врученное Мне попечение о благе Отечества побудило Меня призвать к содействию в законодательной работе выборных от народа. С пламенной верой в светлое будущее России Я приветствую в лице вашем тех лучших людей, которых Я повелел возлюбленным Моим подданным выбрать от себя. Трудная и сложная работа предстоит вам. Верю, что любовь к родине, горячее желание послужить ей воодушевят и сплотят вас. Я же буду охранять непоколебимые установления, Мною дарованные, с твердой уверенностью, что вы отдадите все свои силы на самоотверженное служение Отечеству, для выяснения нужд столь близкого Моему сердцу крестьянства, просвещения народа и развития благосостояния, памятуя, что для духовного величия и благоденствия Государства необходима не одна свобода, необходим порядок на основе права». И далее следовало обращение к думцам: «Приступите с благоговением к работе, на которую Я вас призвал, и оправдайте достойно доверие Царя и народа. Бог в помощь Мне и вам»⁹³.

Казалось бы, Бог, действительно, благоволил к России. Почти десятилетие со дня образования Думы до империалистической войны было одним из самых преуспевающих в истории России за последние полстолетия. Это было десятилетие роста промышленности, в частно-

сти строительство железных дорог и связанное с ним развитие тяжелой индустрии. Это было время стабилизации бюджета. Это был «серебряный век» русской поэзии и искусства, возрождения русской философии. В административно-государственном плане Николаю II сильно повезло. На его царствование «выпало» два крупнейших политика — министр финансов С.Ю.Витте, подготовивший денежную реформу на основе эквивалентной замены бумажных ассигнаций золотым рублем и сумевший направить промышленное развитие страны по наиболее перспективному для нее курсу, и премьер-министр — П.А.-Столыпин, взявший на себя решение почти неразрешимой аграрной проблемы. Но первого Николай уволил с должности, хотя и в дальнейшем часто обращался к его услугам. Второго «позволил убить» у себя на глазах своей охранке. Так оказалось, что самое надежное оружие самодержавия выпало из рук царя.

Манифест 17 октября 1905 г. и образование Государственной думы стали переломным рубежом последнего царствования. По существу они означали *конец самодержавия*. Катализатором этого процесса стала империалистическая война.

Царская власть, все еще ведавшая внешней политикой, правом объявления войны и заключения мира, *позволила вовлечь себя* в империалистическую войну. Как явствует из материалов, приведенных в книге А.И.Уткина⁹⁴, внешнюю политику страны вершил не царь, а весьма разношерстный круг приближенных ко двору лиц, в том числе и «любезный друг» Распутин. В проправительственной прессе вновь замаячили религиозно-патриотические идеи о водружении креста на храме Святой Софии в Константинополе, а заодно и обретении черноморских проливов, о помощи братьям-славянам, о восстановлении международного престижа России как великой державы по отношению к зарвавшимся «тевтонам». В войне, во всеобщей мобилизации и, «даст Бог», в

победоносном наступлении российской армии и разгроме «тевтонского супостата» окружение царя видело возможность радикального изменения политической ситуации. И хотя ситуация действительно была сложной, царь и не попытался преломить ее по-своему, он оказался марионеткой в руках шовинистических сил. В его оправдание можно лишь заметить, что шовинистический угар захватил и думскую оппозицию. В начале войны мало кто *предвидел*, что война окажется столь затяжной и столь неудачной, что переполнит чашу терпения народа и ввергнет страну в пучину хаоса.

В августе 1915 г. Царь решил исполнить свой «священный долг» перед Отечеством и народом: он принял на себя командование армии. Злоязычный Витте видел в Николае достоинство в лучшем случае полкового командира. Поэтому справиться положения на фронте он просто не мог. Но дело не только в этом. Судя по источникам, складывается впечатление, что царь отправился в действующую армию просто потому, что не знал, что ему делать в столице своего государства. На фронте все казалось более привычным: есть враг, и есть свои верноподданные солдаты и командиры, и нужно только направить их усилия на победу. Но и эта традиционная связь монарха как вождя с армией надорвалось. «явление царя» перед воинством уже никого не вдохновляло, ни генералов, ни солдат. Выражаясь языком Ильина, правосознание самодержавия у народа иссякло. На фронте, как и в тылу, *царь оказался лишним*. И этим было предопределено его отречение.

В отсутствие царя в столице события развивались столь стремительно, что 1 марта Временный комитет Государственной думы по соглашению с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов был преобразован во Временное правительство. И уже 2 марта А.И.Гучков и В.В.Шульгин явились в ставку и от лица Временного правительства потребовали отречения царя.

Свидетелей этого события и историков удивляло, что царь внешне спокойно воспринял это обращение и подписал подготовленный Манифест о добровольном отречении от трона от своего имени и от имени наследника Алексея. В своем дневнике он объясняет себе (или истории) свое решение тем, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно было решиться на этот шаг. Тем самым самодержец Российской империи и главнокомандующий ее войсками даже для себя признал свою *ненужность* России.

Уже в эмиграции в серии статей с вопрошающим названием «Почему сокрушился в России монархический строй?»⁹⁵ Ильин мучительно ищет ответ на этот вопрос. Он видел его в *разрушении монархического правосознания*, как на стороне *народа*, так и на стороне самого *царя*, *позволившего себе отречься от трона*, в *отсутствии партии*, которая бы подняла знамя в защиту самодержавия и пр. Но, думается, что более адекватный ответ на этот вопрос дает Н.А.Бердяев. В работе «Истоки и смысл русского коммунизма» он пишет: «Разложение имперской России началось давно. Ко времени революции старый режим совершенно разложился, исчерпался, выдохся. Война dokonчила процесс разложения. Нельзя даже сказать, что февральская революция свергла монархию в России, монархия в России сама пала, ее никто не защищал, она не имела сторонников». И как вывод заключает: «Монархия в прошлом играла и положительную роль в русской истории, она имела заслуги. Но эта роль была давно изжита»⁹⁶. Короче, монархический строй в России не был «сокрушен», он пал, потому что *полностью исчерпал себя*.